

гизских степях и Туркестанском крае // Зап. РГО по отделению этнографии. 1880. Т. 6. СПб. С. 33.

⁶⁵ Книга, глаголемая Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1881. С. 345.

⁶⁶ Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 107; РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 25. Л. 8.

⁶⁷ Акты времени междоуцарствия (1610 г., 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 20; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 3. Л. 3.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 127. 1628 г. Д. 1. Л. 104, 107.

⁶⁹ *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 82, 83; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892. С. 169.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 29–30.

⁷¹ См., напр.: Там же. 1614 г. Д. 3. Л. 56; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 178; Акты времени междоуцарствия. С. 33.

⁷² Дополнения к Дворцовым разрядам // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 4. С. 815.

⁷³ *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1981. С. 10.

О.И. ХОРУЖЕНКО

ИМЕННЫЕ ТАМГИ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА

У В.Н. Татищева имеется известие, представляющее значительный интерес для изучения истории дворянского сословия и русской геральдики. К сожалению оно очень кратко, подано в широком контексте и трудно интерпретируется.

Вначале историк говорит о тамговых знаках татар: «В татарской истории о роде Чингиз хана написано, что он всем знатым родом раздавал тройкие знаки: 1) птица, 2) дерево, 3) ясак. Ханская птица – кречет». «И оные, – продолжает Татищев, – они доднесь хранят и называют тамга. Но приняв закон магометанской, который животных изображать запрещает, изображают свои тамги нимало подобным тому знаку». Далее автор обещает: «А о ясаках, у нас бывших, ниже упомяну».

Действительно, ниже Татищев говорит уже о русских дворянах и о неких наследственных знаках, которые автор также называет «ясаками»¹. Приводим этот отрывок полностью: «А фамильных («ясаков». – О.Х.) несколько сот имею, яко: Авросимовых – Кадуй, Аладинины – Базулук, Бахметев – Порывай, Бутурлины – Соловей, Воейков – Рычан, Вель-

яминов – Лошак, Гагарины – Благодать, Голицыны – Гамар, Долгоруков – Сургут, Давидовых – Минчак, Ромодановских – Гамаюн, Салтыковых – Салтык, Сабакин – Доезжай, Трубецкой, Татишев – Нуздай, Хрущов – Касуй, Черкасских – Кабарда, Шереметев – Шеремет, Юсупов – Аргутап. У поляк, мно, сии же ясаки за имяна гербам приложены»².

Первым и, насколько нам известно, единственным исследователем, который решился прокомментировать этот отрывок, был А.Б. Лакиер. Впрочем, он лишь посетовал, что «Татишев смешал польские, прусские и наши отечественные знамена с татарскими ясаками, существование которых несомненно... Бесспорным остается то, – отметил автор, – что татарские роды могли принести в Россию свои ясаки»³.

Такой итог историографического освоения данных Татищева устроить не может. По сложившимся в геральдической литературе представлениям, устойчивые («фамильные») дворянские эмблемы возникли в России в последней четверти XVII в. в заимствованной из Запада гербовой форме. Мы находим их, в основном, на печатях того времени. Ранее представители дворянских родов пользовались случайными штемпелями, часто античными геммами, которые, как правило, не наследовались. Если Татишев был прав, то это в значительной мере меняет наши представления об истории складывания русской дворянской символики. Поэтому необходима попытка более углубленного изучения сведений Татищева, не исходящая от посылки, что ученый что-то «смешал» и напутал.

В.Н. Татищеву, проявлявшему интерес к вопросам геральдики⁴, были доступны редкие, уже утраченные источники, в том числе из архивохранилищ Казани, Астрахани и Сибири⁵. Попытаемся подойти к данным Татищева с доверием и подробно разобрать приведенный выше отрывок из «Истории Российской».

Прежде всего, полемика Лакиера с Татищевым представляется преждевременной. Очевидной ошибкой историографа было предположение о том, что ставшие ему известными названия дворянских тамг закрепились в польской геральдике в качестве названий гербов. Действительно, из приведенных Татищевым девятнадцати названий (если считать, что у Трубецких была тамга, одноименная их фамилии) только «Солтык», тамга Салтыковых, имеет созвучную польскую эмблему. Это, разумеется, не гарантирует графического совпадения двух композиций. С известной натяжкой можно предположить некую связь тамги Бахметевых «Порывай» с польской эмблемой «Порай». Впрочем, как «Солтык», так и «Порай» совершенно расходятся с нашим представлением о тамгах как о лаконичных в изобразительном отношении знаках. «Солтык» (Soltysk) представляет собой «в правую сторону обращенного чер-

ного орла с короною на голове и поднятыми вверх крыльями. В правой лапе он держит меч, на который надета княжеская корона»⁶ (рис. 1). «Порай» (Poray) – «в красном поле белая в полном цвету роза»⁷ (рис. 2). Что же касается фразы Лакиера о том, что в приведенном Татищевым списке имеются названия прусских и российских гербов, то она вызывает недоумение. Вряд ли такие названия существовали вообще.

Рис. 1. Польский герб «Солтык»
(Из кн.: Гербовник А.Т. Князева.
СПб., 1912. С. 134).

Лакьер был согласен с Татищевым в том, что существование татарских «ясаков» несомненно, и что «татарские роды могли принести в Россию свои ясаки». Действительно, факт бытования у тюркских родов или кланов лично-родовых знаков, имевших собственные названия, общеизвестен. На первой стадии своей эволюции тамги символизировали тотемное животное племени. В это время существовала прямая связь между тотемом, этнонимом (поскольку племя носило имя тотема), графикой тамги и ее названием. На второй стадии эволюции тамговых знаков их связь с тотемами и этнонимами утрачивается. Племена принимают имя своего предводителя, либо название местности, где они обитали, либо усваивают наименование доминирующего племени. Иногда названием племени становится эпитет, характеризующий образ его жизни или род занятий⁸. Тамги начинают символически изображать предметы быта и орудия труда, что и дает им наименования, скажем, «шугуш» (молоток), «клиш» (меч), «камчи» (хлыст)⁹.

Нет ничего невероятного в том, что татарские роды и их отдельные представители, прибывая на Русь, сохраняли свои родовые тамги. Некоторые из них могли позднее и геральдизироваться. Подобные процессы наблюдались в Великом княжестве Литовском,

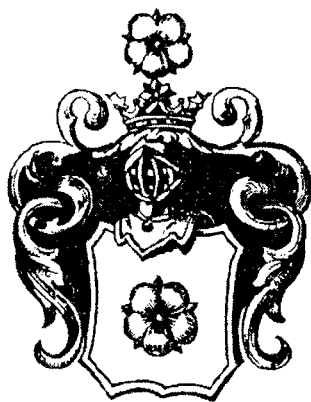

Рис. 2. Польский герб «Порай»
(Рис. Г.И. Нарбута из кн.:
Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.
Малороссийский гербовник. СПб.,
1914. Табл. 23).

что стало предметом специального исследования С.В. Думина. Автор проследил процессы адаптации татар в дворянском сословии литовского княжества и складывания своеобразной литовско-татарской геральдики. Думин вполне обоснованно полагает, что «эмблемы литовско-татарских печатей восходят к родоплеменным эмблемам предков этих семей, употреблявшимся до выезда в В[еликое] к[няжество] Л[итовское]»¹⁰. Эти эмблемы (тамги), подобно упомянутым Татищевым, имели собственные названия, закрепившиеся затем и за литовско-татарскими гербами (рис. 3).

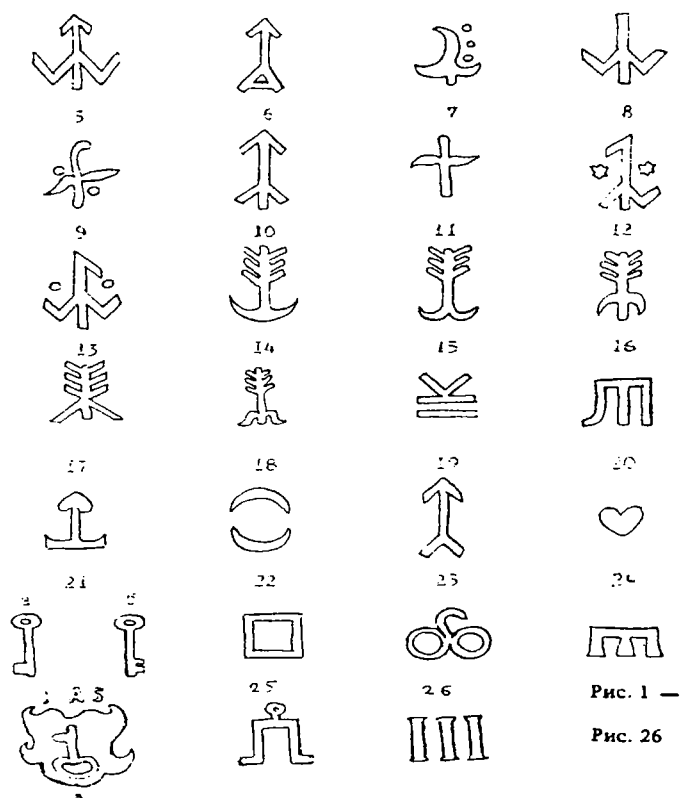

Рис. 1 —

Рис. 26

Рис. 3. Эмблемы на печатях литовских татар XVI–XVIII вв.
(Думин С.В. Геральдика литовско-татарского дворянства
XVI–XX вв. // Гербовед. М., 1996. № 10. С. 15).

Следует подчеркнуть, что Татищев назвал, помимо выезжих татарских, роды исконно русского и литовского происхождения. Собственно, из девятнадцати только четыре (Бахметевы, Давыдовы, Черкасские и Юсуповы) достоверно происходили из исламской среды. Можно предположить, что их геральдическая традиция на определенном этапе складывалась подобным же образом, что и у их соплеменников в Литве: прибывшие на Русь татары оставили в употреблении свои тамги, сообщив их и ближайшим потомкам. Представители же русских и литовских родов либо усвоили татарские тамги, либо придумали оригинальные.

Татищев, как явно видно из приведенного отрывка, обладал не отрывочными сведениями, а некой систематизированной подборкой данных. Дворянские фамилии даны им в алфавитном порядке. Автор производил подсчеты этой своей подборки. Кстати, количество собранных им названий эмблем («несколько сот») обескураживает. Это означает, что по меньшей мере значительная часть русских дворян пользовалась именными тамгами (вспомним, что в конце XVII в. немногим более 500 дворянских семей, часто принадлежавших к одному роду, подали свои росписи в Разряд). В геральдической же литературе, за исключением данных Татищева, на настоящий момент неизвестно ни одного названия русской родовой тамги. Тамгообразные фигуры иногда встречаются на дворянских печатях XVII в.¹¹ Порой они имеют уже геральдизированный вид. На печати воеводы Федора Васильевича Боборыкина 1623 г. сложная тамга изображена в геральдическом антураже – на вырезном гербовом щите со щитодержателями¹².

Заметим, что источником для Татищева вряд ли мог служить сфрагистический или другой изобразительный материал. Из него можно было бы извлечь рисунок тамги, но не название. Скорее всего, выборка Татищева была составлена на основе какого-то одного, ныне утраченного письменного памятника.

Эта посылка позволяет сделать следующее предположение: источник Татищева зафиксировал единовременное использование тамг девятнадцатью дворянскими родами. Появляется возможность выяснить как его дату, так и время бытования татарских или подобных им эмблем в русской дворянской среде. Отдельные дворянские роды могли пользоваться именными тамгами в довольно широкий период – с начала XV в. до второй половины XVII в., когда усилилось влияние польской геральдики. Однако, если исходить из нашего предположения, то источник Татищева отразил существование данной практики в конце XVI – первой половине XVII в., когда упомянутые им дворянские роды существовали одновременно (см. таблицу).

**Время возникновения дворянских родов, упомянутых
В.Н. Татищевым в качестве владельцев именных тамг**

№	Тамга	Фамилия	Начало рода
1.	Базулук	Аладьины-Монастыревы Аладьины	втор. пол. XV в. кон. XV в.
2.	Кадуи	Офросимовы Афросимов	перв. пол. XV в. втор. пол. XVI в.
3.	Порывай	Бахметевы	втор. пол. XV в.
4.	Соловей	Бутурлины	нач. XV в.
5.	Лошак	Вельяминовы-Протасьевы Вельяминовы-Зерновы	сер. XV в. сер. XV в.
6.	Рычан	Воейковы	нач. XV в.
7.	Благодать	Гагарины, кн.	втор. пол. XV в.
8.	Гамар	Голицыны, кн.	кон. XVI в.
9.	Минчак	Давыдовы	нач. XV в.
10.	Сургут	Долгоруковы, кн.	кон. XV в.
11.	Гамаюн	Ромодановские, кн.	нач. XVI в.
12.	Салтык	Салтыковы-Морозовы Салтыковы-Травины	втор. пол. XV в. кон. XV в.
13.	Доезжай	Собакины	нач. XVI в.
14.	Нуздай	Татищевы	кон. XV в.
15.	Трубецкой	Трубецкие, кн.	нач. XVI в.
16.	Касуй	Хрущовы Хрущовы-Фатьяновы Хрущовы-Григорьевы	сер. XVI в. кон. XVI в. нач. XVII в.
17.	Кабарда	Черкасские, кн.	втор. пол. XVI в.
18.	Шеремет	Шереметевы	кон. XV в.
19.	Аргутап	Юсуповы, кн. Исуповы	кон. XVI в. сер. XIV в.

Историческая ситуация этого времени выступает как вполне органичный контекст для заимствований татарских правовых и культурных явлений. К рубежу XVI и XVII в. многие мусульманские соседи Руси пали. Русские стали активно осваивать Поволжье, Сибирь. Татарские и ногайские иммигранты – «служилые татары» – вливались в русское служилое сословие. Это стало благоприятной почвой для взаимопроникновения двух культур.

Нет никаких оснований полагать (впрочем, как и отрицать), что все лица, принадлежавшие к упомянутым Татишевым родам, употребляли соответствующую тамгу. Дворянские роды, объединенные общим фамильным прозвищем, как правило, ветвились, насчитывая в тот или иной период несколько семей. Скажем, восьмое поколение от Оболенского князя Константина Юрьевича насчитывало шестнадцать князей Долгоруковых в четырех линиях рода, причем отдельные линии были представлены двоюродными и троюродными братьями, т.е. разветвились далее¹³. Одна из ветвей князей Гагариных успела угаснуть в XVI в., а три оставшиеся были представлены пятнадцатью лицами, причем внутри каждой ветви они находились в двоюродном и троюродном родстве¹⁴. Понятно, что сведения Татищева могут относиться лишь к одной из семей того или иного рода, где тамга передавалась от отца к сыну в двух-трех поколениях, приходившихся на конец XVI – середину XVII в.

Теперь подробнее остановимся на истории дворянских родов, упомянутых Татишевым, их генеалогии и геральдической традиции. Мы также попытаемся объяснить названия тамг и сделать предположения об их внешнем виде.

**Авросимовы-Офросимовы (роды Андрея
Андреева сына Офросимова и Ильи Ивановича
Афросимова) и тамга «Кадуй»**

Офросимовых (или Афросимовых) в новое время известно два рода. Первый происходит от современника великого князя Василия Васильевича (первая половина XV в.) «мужа честна» Андрея Андреева сына Офросимова. Второй род велся от жившего во второй половине XVI в. Ильи Ивановича Афросимова. Оба рода благополучно дожили, по меньшей мере, до конца XVIII в., когда и были записаны: первый – в родословную книгу Московской, Тульской и Рязанской губерний, второй – Курской и Орловской. В 1675 г. стольник Иван Михайлович Афросимов использовал на своей печати (явно западного происхождения) фигуру одноглавого коронованного орла, повторенную в нашлемнике герба¹⁵ (рис. 4). Герб потомства А.А. Офросимова был утвержден в 1800 г. в

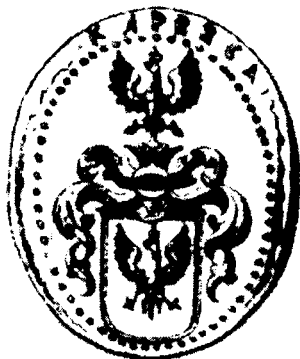

Рис. 4. Печать стольника Ивана Михайловича Афросимова. 1675 г. (Из кн.: Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. Табл. XII, рис 7).

составе Общего гербовника¹⁶. Здесь мотив орла был повторен. Герб другого рода внесен в двенадцатый, неопубликованный том гербовника, недоступный в настоящее время для исследования. Тамга «Кадуй» могла быть использована родом Афросимовых потомства Андрея Андреевича с первой половины XV в. до 1675 г., когда у них уже была гербовая печать западного типа, а потомством Ильи Ивановича – со второй половины XVI в. Впрочем, уверенно отождествить какой-либо из этих родов с упоминаемым источником Татищева трудно. Последний мог называть

«Афросимовыми» ветвь любого рода, происходившего от некоего Ефросина-Авросима-Офросима.

О существовании племени Кадуй позволяет судить топонимика. Одноименные населенные пункты расположены в Вологодской области (поселок городского типа на притоке реки Суды Вороне, центр Кадуйского района, и одноименный населенный пункт на противоположном берегу Суды), Красноярском крае (деревня близ г. Нижнеудинска). В Иркутской области протекает река Кадуй (Усть-Удинский район). Известен также Кадый, город в Костромской области при реке Кадыевке, и населенный пункт Кадый-Бажи в Туве. Изображение тамги племени Кадуй нам неизвестно.

Аладыны-Оладыны (роды Льва Даниловича Олады и Бориса Васильевича Оладына) и тамга «Базулук»

Оладыных или Аладыных было также два рода. Первый происходил от Льва Даниловича Олады Блинова Монастырева, потомка смоленских князей, жившего во второй половине XV в. (Оладыны-Монастыревы). Вторая – от Олады, дворцового дьяка князя Полоцкого Бориса Васильевича, брата Ивана III (конец XV в.). Таким образом, оба рода возникли к началу XVI в. Какой из них пользовался тамгой «Базулук» – неясно.

Герб Аладыных-Монастыревых был утвержден в конце XVIII в. В верхнем поле герба содержалась смоленская эмблема, в нижнем – часть белоозерской¹⁷.

Название тамги «базурук» восходит, вероятно, к гидрониму из древнетюркского «бузурук» (ледовый), что характеризует небольшие реки, полноводные только во время ледохода и таяния снегов¹⁸. Река Бузурук, приток Самары (в Оренбургской области) в 1736 г. дала название основанной И.К. Кирилловым крепости. В бассейне другого Базулука, притока Хопра, расположены селения Бузурук и Бузурукский. Имеется Бузурук (или Базавлук) и в водной системе Днепра. Топонимы «Бузурук» встречаются тоже часто, причем ряд из них не связан географически с одноименными реками. Такое имя носят населенные пункты в Казахстане (Бузурук и Бузурукский на реке Ишим в Тургайской области), в Башкирии (к западу от г. Уфы), в Иркутской (восточнее г. Тулун) и Орловской (близ истока р. Оки) областях. Вероятно, что имя поселениям дали представители тюркских племен, обитавших ранее в бассейнах одноименных рек.

Следует предположить, что один из двух известных родов Оладыных по какому-то поводу усвоил тамгу племени Бузурук.

**Бахметевы (потомство Аслама Бахмета, Дорофея
Константиновича Бахметева, Василия Михайлова
сына Бахметева) и тамга «Порывай»**

Родословная легенда Бахметевых¹⁹ возводит этот род к XV в. «Во дни великого князя Василия Васильевича приехали служить к великому князю два царевича, Касим да Егуп Махметовы дети, а с ним приехал роду их, именем Аслам Бахмет с сыном Касаем, а у Касая сын Раслан, и иные многия татары». Выезд Аслама был зафиксирован в недошедшей до нас Выездной книге. Царевичи Касим и Якуб – младшие сыновья Казанского хана Улу-Мухаммеда. Они должны были выехать на Русь при освобождении Василия Темного из плена в 1445 г. в числе пятисот «князей татарских со многими людьми». В 1446 г. Касим и Якуб воевали на стороне Василия Темного; Касим получил Мещерский городок (Царевичев городок, Касимов), ставший центром его небольшого царства; Якуб в 1452 г. участвовал в походе русского войска на Вагу и Кокшеньгу²⁰.

Что до сопровождавшего казанских царевичей Аслама Бахмета, то в вопросе о его родстве с домом Тохтамыша можно довериться только данной легенде. Составители Общего гербовника, идя навстречу пожеланиям Бахметевых, изменили имена казанских царевичей; они стали Касимом и Егупом Бахметами²¹. Согласно той же легенде, Аслам с сы-

ном и внуком крестился, получив имя Иеремия. Его сын Касай стал Иваном, внук Раслан – Никитой. При этом Иван Еремеевич и Никита Иванович без каких-либо явных оснований якобы писались Константиновыми. Этот домысел потребовался, вероятно, для того, чтобы отождествить Никиту Ивановича с убитым под Казанью в 1469 г. «Микитой Костентиновым»²². Кстати, этот год ошибочно признан рядом авторов за время выезда Аслама.

Потомство Аслама Бахмета через его внука Никиту Ивановича продолжилось. У последнего был сын Михаил Никитич, внук Михаил Михайлович и правнук Василий Михайлович, который по счету поколений должен был жить во второй половине XVI в. Продолжился ли этот род далее – неясно²³. Между тем на родство с Асламом Бахметом стали претендовать и другие Бахметевы, потомки Дорофея Константиновича Бахметева, воеводы Ивана Грозного.

Асламу был «дан» второй сын, Кузьма. Д.К. Бахметев выступал внуком последнего. Сыну воеводы, Евтихию Дорофеевичу, 16 марта 1562 г. была пожалована волость Собакино в Арзамасском уезде. В дальнейшем поместье землевладение этих Бахметевых было связано с Арзамасским уездом²⁴. К концу XVII в. они стали достигать стольнических чинов, получили вотчины в Московском уезде, поместья в Епифанском²⁵. В 1856 г. один из потомков Д.К. Бахметева, Николай Алексеевич, унаследовал титул и фамилию графов Протасовых.

Сохранились сфрагистические памятники, относящиеся к роду арзамасских Бахметевых. Правнук Е.Д. Бахметева, Иван Юрьевич, в 1679 г. пользовался печатью, на которой находилась тамгообразная фигура²⁶. С известной долей осторожности ее можно считать тамгой «Порывай», упоминавшейся Татишевым. Племянник же И.Ю. Бахметева, стольник Дмитрий Ефремович, в 1692 г. был владельцем уже гербовой печати: с деревом в гераль-

Рис. 5. Печать Николая Ивановича Бахметева (Гербовник А.Т. Князева. С. 8. № 17(5)).

дическом щите и орлом в нашламнике²⁷. Ко второй половине XVIII в. у Бахметевых, вероятно, под влиянием петровской геральдики, сложился другой герб: вооруженная мечем рука в латах, выходящая из облака. Эта же фигура была повторена и в нашламнике²⁸ (рис. 5). При утверждении герба Бахметевых потомства Ослама Бахмета в составе Общего гербовника этот вариант был принят без изменений. Цвет поля был установлен голубым, цвет фигуры – серебряным.

Существовал также род Бахметевых потомства Василия Михайлова сына Бахметева (уп. в 1629 г.), родство которого с реальными и мнимыми потомками Аслама Бахмета не было установлено. При внесении в Общий гербовник за ним утвердили герб, щит которого был разделен вертикально на две части; правая часть разделена горизонтально. В правой верхней части в красном поле золотой крест, в правой нижней части в черном поле серебряный полумесяц рогами вниз. В левой части щита повторился герб однофамильцев и возможных родственников, арзамасских Бахметевых, описанный выше²⁹.

Понятно, что поздние геральдические памятники, относящиеся к Бахметевым, скорее всего не имеют следов архаичной традиции.

Название тамги Бахметевых, кажется, не содержит тюркского корня. Напротив, как «Порывай», так и другие наименования тамг, приведенные Татищевым («Доезжай», «Нуздай»), в большей или меньшей степени ассоциируются с русскими глаголами в их повелительном наклонении. Отметим, что помимо родовой тамги атрибутом племенной организации тюркских народов был урак – родовой клич для вызова подмоги во время битвы³⁰. Не исключено, имя тамге Бахметевых дал именно боевой клич, придуманный ими, или переведенный с тюркского.

Другой путь получения тамгой своего имени – от одного из владельцев – также исключить полностью нельзя. Слово «Порывай» как элемент именной формулы фиксировалось С.Б. Веселовским. Он упоминает новгородского крестьянина Порывая (1495 г.), слугу новгородского Софийского дома Семена Григорьевича Порываева (1608 г.), арзамасского холопа Порывайку (1586 г.)³¹. Возможно, кто-то из Бахметевых именовался или прозывался Порываем, но это не нашло отражения в известных источниках.

Бутурлины и тамга «Соловей»

Бутурлины были древнейшим московским боярским родом. Они считались потомками полулегендарного Ратши, германского или сепардского выходца, а, значит, были однородцами значительного числа видных дворянских родов, из которых наиболее известны Пушкины,

Кологрововы, Мятлевы, Неклюдовы, Каменские. Имя роду дал Иван Андреевич Бутурля. Он должен был жить во второй половине XIV в., поскольку его более известный источникам брат, Федор Андреевич Свибло, упоминается в 1377–1385 г. Дети И.А. Бутурли, Иван и Юрий, писавшиеся Бутурлиными, – лица начала XV в. Раньше этого времени тамга «Соловей» как родовой знак Бутурлиных существовать не могла.

Одна из ветвей Бутурлиных благодаря фавору Александра Борисовича Бутурлина при дворе императрицы Елизаветы Петровны получила графский титул.

В печатях Бутурлиных за XVII в. не видно традиции употребления тамгообразных изображений. Как и большинство дворян этого времени, они пользовались случайными штемпелями. На печати воеводы Ивана Васильевича 1650 г. изображено дерево, под ветвями которого воин, стреляющий из лука в льва³². Окольный и воевода Федор Васильевич в 1651 г. пользовался печатью с фигурой льва, держащего в лапе меч³³.

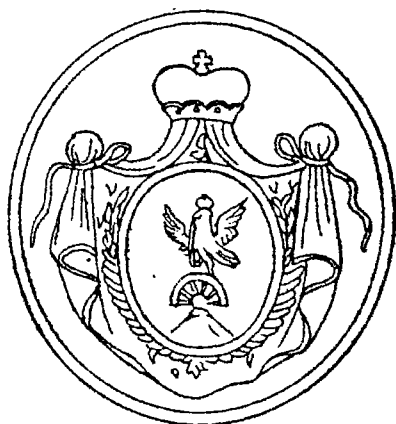

Рис. 6. Печать А.С. Бутурлина.
(Гербовник А.Т. Князева.
С. 16. № 43(12)).

А.Т. Князев опубликовал печать поручика Андрея Сергеевича Бутурлина (1730–1794 гг.). Она свидетельствует об углубленных изысканиях в области генеалогии и геральдики. А.С. Бутурлин присвоил себе герб семиградского рода Ракоци – коронованный коршун, сидящий на разбитом колесе, установленном на холме³⁴ (рис. 6). Судя по всему, выбор герба не был случайным. Род Ракоци (Rakoczy; в польском произношении «Ракотши») мог восприниматься А.С. Бутурлиным как родственник Ратшичам

по созвучию фамилий и общности предполагаемой прародины обоих родов.

Официально утвержденный герб дворян Бутурлиных состоял из четырех частей. В первой в горностаевом поле помещалась княжеская шапка; во второй в голубом поле рука в латах с мечем; в третьей в зо-

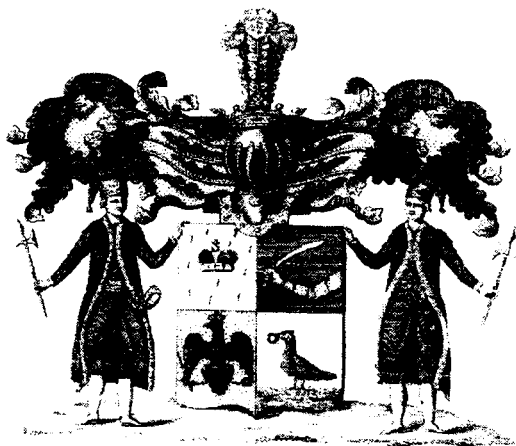

Рис. 7. Герб Бутурлиных (ОГ. Т. 2. № 29).

лотом поле голубой коронованный орел с державой и скипетром в лапах; наконец, в четвертой в серебряном поле птица, стоящая на зеленой траве с золотым кольцом в клюве³⁵ (рис. 7). Орел, корона и вооруженная мечем рука – общие эмблемы потомков Ратши. Их присутствие в гербе дворян Бутурлиных говорит о влиянии графского варианта герба, данного А.Б. Бутурлину по диплому от 9 июня 1763 г. Последний, в свою очередь, был зависим от дипломного герба однородца, тайного советника графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (26 февраля 1716 г.).

Что же касается фигуры птицы в четвертой части дворянского герба Бутурлиных, то она, возможно, появилась после знакомства Бутурлиных с трудом В.Н. Татищева и изображает соловья. Первый том «Истории Российской», где историк говорит о родовой тамге Бутурлиных «Соловей», был опубликован в 1768 г. Эти сведения могли быть учтены Бутурлиными при формировании своего герба. Если это предположение верно, то гербы их однородцев Кологривовых и Неклюдовых, в которых также присутствует фигура птицы, следует считать вторичными по отношению к гербу Бутурлиных³⁶.

Конечно, реконструкцию былой тамги в виде реалистичного изображения соловья нельзя признать слишком убедительной.

Свое название тамга «Соловей» могла получить по прозвищу лица из рода Бутурлиных, подобно тому, как у тюркских народов тамга принимала имя племенного вождя. Прозвание «Соловей» входило в именную формулу представителей других родов. С.Б. Веселовский упоминает ярославца Илью Соловья Елизаровича Борщова (1568 г.)³⁷. Нам

неизвестно, носил ли кто-нибудь из Бутурлиных такое прозвание, но вообще «птичьи» прозвища в роду Ратши присутствовали. Здесь можно даже говорить о стабильной традиции, подобной «лошадиной» тематике прозвищ у Кобылиных и «травяной» у князей Фоминских. Среди потомков Акинфа Гавриловича Великого, предполагаемого праправнука Ратши, Андрей Андреевич Слиzeńь³⁸ (селеzeńь, лицо второй половины XIV в.), Григорий Романович Курица (середина XV в.), помещик Вотской пятины Андрей Григорьевич Баклан (конец XV в.), окольный Федор Леонтьевич Ворон (ум. в 1640 г.).

Воейковы и тамга «Рычан»

В родословной росписи, поданной двадцатью четырьмя лицами из рода Воейковых в 1686 г. в Разрядный приказ, излагалась легенда о происхождении рода от «Прусской земли державца Терновского» Воейко Войтеговича, выехавшего будто бы на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу. Воейко, приведший с собой сто пятьдесят человек жителей, был крещен Дмитрием Донским в православную веру с именем Прокопий, пожалован вотчинами в Коломенском уезде, и получил в жены Ксению, дочь боярина Ивана Васильевича Товаркова. В этом виде легенда представляла собой во многом типичный рассказ о выезде предка «из Прусс»³⁹.

В 1690 г. была составлена рукописная книга о происхождении рода Воейковых, где их родословная легенда была дополнена красочными подробностями. «Терновское» владение Войтеги, отца Воейки, было отождествлено с г. Терновом в Болгарии. Войтега был представлен как «первый вельможа Сербского государства» и одновременно – «державец (правитель) Прусские земли». После смерти Войтеги г. Тернов достался старшему его сыну Фрианду, а Пруссия – младшему сыну Воейке. Полуторасотенная дружина, с которой Воейко прибыл в Москву в 1384 г., состояла из тридцати сербов, двадцати болгар (дань отождествлению «Терновского» владения) и ста прусов. Обряд крещения над Воейкой, пребывавшим до того в аполлинариевой ереси, был совершен митрополитом Киприаном, сербом по происхождению, и игуменом Сергием Радонежским в церкви архистратига Михаила в Чудове монастыре. После крещения Воейко, ставший Прокопием, отправился на поклонение мощам в Киев, а по возвращении пожалован ближним боярином и получил в кормление г. Дмитров, обмененный в 1389 г. на многие волости. Перед кончиной Прокопий-Воейко дал своим детям обширное наставление (его текст от слова до слова зафиксирован в книге 1690 г.). Погребен в Троице⁴⁰.

Е.Е. Матвеева отметила сюжетные совпадения в жизнеописании Воейки-Прокопия и житии юродивого чудотворца Прокопия Устюжского.

На самом деле Воейковы, вероятно, происходили от некоего Воина (в уменьшительной форме – Воейка). Отметим наличие в родословной росписи Воейковых Прокопия, лица, отделенного от легендарного основателя рода четырьмя поколениями. В хронологическом плане родословная роспись невероятна. Лица девятого поколения рода Воейковых (Матвей Семенович, упоминаемый в источниках под 1566 г.⁴¹, и его брат, новосильский воевода 1563 г. Василий Семенович⁴²) должны бы жить на столетие позже.

В 1631 г. писец Богдан Игнатьевич Воейков пользовался штемпелем с инициалами «А. Р.» и изображением орла, терзающего змею⁴³.

К 1785 г. представители рода Воейковых, а именно Матвей Петрович и Василий Яковлевич, пользовались гербовыми печатями с четверочастным круглым щитом, помещенным на мантии под дворянской короной. В первом и четвертом полях неясно читаются две изогнутые фигуры, напоминающие строчные «S» и «Г». Во втором и третьем полях – олень, бегущий к центру щита (рис. 8)⁴⁴.

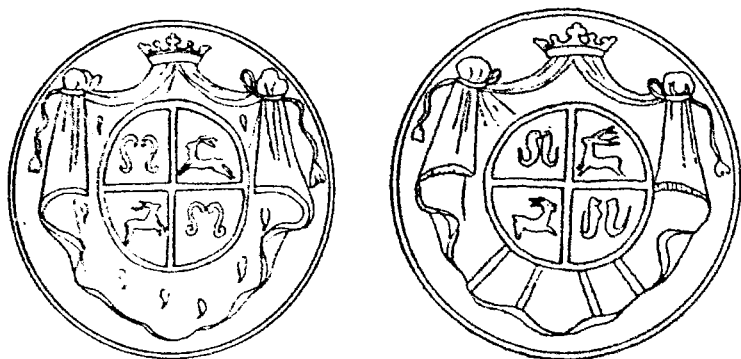

Рис. 8. Печати Матвея Петровича и
Василия Яковлевича Воейковых
(Гербовник А.Т. Князева. С. 25. № 68(18), 69(19)).

В труде игумена Ювеналия был помещен гравированный герб Воейковых работы Г. Розонава с описанием и истолкованием преподобного автора. Внешний вид по сравнению с печатями М.П. и В.Я. Воейковых был сохранен, но фигуры щита прописаны яснее. В первом и четвертом полях они стали змеями, «един змий с крылами, а другой змий без крыл; над двумя змиями едина корона». Как объяснил Юве-

налий, это – «герб старобытної вельможи сербского короля, славного честного мужа Воитега Терновского, отца Воеика Воитеговича, праотца фамилии благородных господ Воейковых». Оленья во втором поле следовало изображать с короной на шее, а в третьем поле – без таковой. Согласно справедливому мнению Ювеналия, это два варианта польского герба «Брохвич». Его присутствие в гербе Воейковых игумен объяснил пожалованием «от прусского короля онаго сербского вельможи Воитега Терновского сыну ево, Воеику Воитеговичу, державцу прусскому, за заслуги отца ево и за ево заслуги в бытность ево в прусской земли в пополнение старобытного их герба, двух змиев».

30 июня 1798 г. герб Воейковых был утвержден в составе второй части Общего гербовника в варианте игумена Ювеналия⁴⁵. Изменения коснулись только внешнего вида щита и его атрибутов, которые стали общепринятыми (рис. 9).

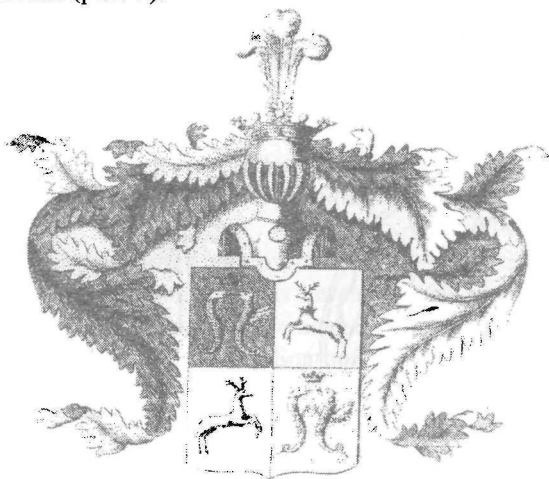

Рис. 9. Герб Воейковых. (ОГ. Т. 2. № 50).

Геральдическая легенда, изложенная Ювеналием, не выдерживает критики. Она призвана поддержать родословие Воейковых в варианте 1690 г. Конечно, герб Воейковых возник не раньше этого времени.

Обращает на себя внимание змееборческий сюжет в первом и четвертом полях герба. В сценах подобного рода змея, с крыльями или без них, символизировала злое начало, тогда как ее противник, будь то человек или животное, олицетворял добро. Поединок же змеи со змеей символически не имеет смысла. Возможно не будет слишком смелым предположение, что мы имеем здесь дело с остатком архаичной эмбле-

матической традиции, может даже с видоизмененной тамгой «Рычан», о которой писал Татищев.

Происхождение названия тамги Воейковых неясно. Прозвища были достаточно распространены в этом роду (Жезень, Сребица, Шемет, Ивка), но «Рычан» в числе таковых источникам неизвестен.

**Вельяминовы (потомство Протасия),
Вельяминовы-Зерновы (потомство мурзы Чета)
и тамга «Лошак»**

Вельяминовых было два рода. Первый, потомство Вельямина Андреевича, происходил от московского тысяцкого Протасия (конец XIII – первая половина XIV в.). Позднее Протасьевичи стали считать своим предком летописного Шимона Африкановича (уп. в 1027–1073 гг.), который, согласно Общему гербовнику, стал даже отцом Протасия. Вельямин Андреевич приходился Протасию праправнуком и значит должен был жить в начале XV в. Его дети, Федор и Алексей Вельяминовы, были первыми из этого рода с такой фамилией.

Герб Вельяминовых-Протасьевичей был утвержден в составе Общего гербовника в следующем виде: «Щит разделен перпендикулярно на две части, из коих в правой в золотом поле изображена половина орла белого в золотой на главе короне. В левом поле означены крестообразно три палицы, имеющие рукоятки и копыя золотые»⁴⁶ (рис. 10). Было бы заманчиво видеть в фигуре левого поля измененную тамгу. Однако вероятнее здесь влияние польского герба «Елита».

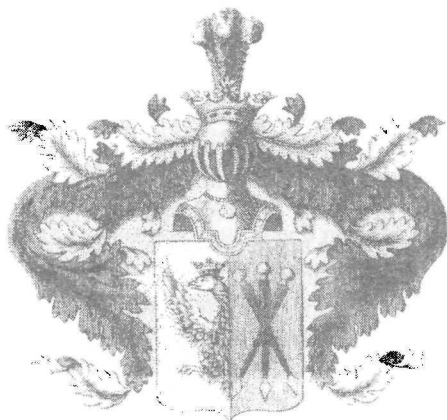

Рис. 10. Герб Вельяминовых-Протасьевичей
(ОГ. Т. 2. № 22).

Другой род Вельяминовых производил себя от татарского мурзы Чета, крестившегося в 1330 г. с именем Захария и построившего Костромской Ипатьевский монастырь. По источникам род прослеживается с костромского боярина Дмитрия Зерно. От него более позднее наименование этого рода Вельяминовыми-Зерновыми. У правнука Дмитрия, Вельямина Андреевича Глазова Зернова, были сыновья Федор, Иван Брех, Григорий Стерляг и Тимофей Токмак, которые уже могли писаться Вельяминовыми. Они упоминаются источниками рубежа XV–XVI вв. В 1691/1692 г. Льву Андрееву сыну Вельямина с родственниками был дан указ о разрешении писаться Вельяминовыми-Зерновыми для разделения от поколений других Вельяминовых.

Какой именно род, согласно данным Татищева, употреблял тамгу «Лошак» – неясно. И Вельяминовы-Протасьевичи, и Вельяминовы-Зерновы, условно говоря, могли пользоваться ею с середины XV в.

Печатами представителей обоих родов Вельяминовых в XVI–XVII в. служили антики. На печати воеводы Андрея Игнатьевича (1618 г.) изображалось единоборство воина со львом⁴⁷; двинского писца Мирона Андреевича (1624 г.) – орел, кормящий птенцов⁴⁸; брянского писца Третьяка Григорьева (1595 г.) – орел со змеей⁴⁹.

«Лошак» был, можно сказать, популярным прозвищем. Так именовался Василий Григорьевич Колычев, основатель рода Лошаковых-Колычевых (сер. XV в.), от лица с таким же прозвищем происходили новгородцы Злоба Иванович Лошаков (1536 г.) и Василий Юрьевич Лошаков (1608 г.)⁵⁰. Как прозвание лица из рода Вельяминовых, владевших, по Татищеву, одноименной тамгой, слово «Лошак» не встречается.

Гагарины и тамга «Благодать»

Князя Гагарины представляли собой отрасль Стародубских князей. Они получили свое прозвание от потомка Рюрика в XVII колене Михаила Ивановича Гагары. Следующее поколение после Гагары, т.е. собственно князя Гагарины, должно было жить во второй половине XV – начале XVI в. С этого времени могла бытовать тамга «Благодать» как принадлежность рода Гагариных. Представители этого рода в XVI в. думных чинов не выслуживали, в 1550–1580-х гг. несли службу в составе государева двора. Старых родовых вотчин в Стародубском стане Суздальского уезда князя Гагарины уже к началу XVII в. не сохранили.

От начала XVII в. осталась печать воеводы князя Никиты Никитича Гагарина (1620 г.). Штемпелем ее служил антик с изображениями человеческой головы, фигуры человека в полный рост и орла⁵¹.

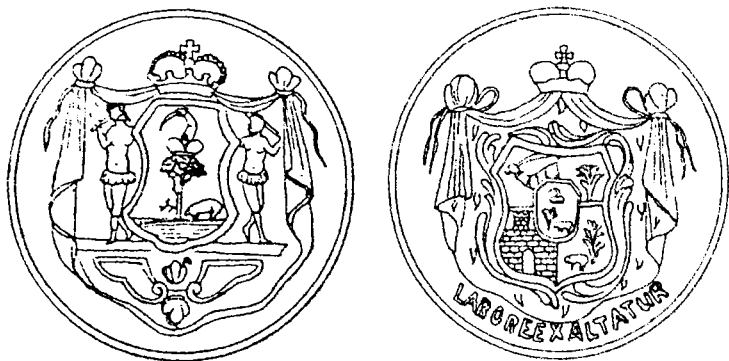

Рис. 11. Печати князей Гагариных. (Гербовник
А.Т. Князева. С. 31–32. № 89(24), 91(24)).

На протяжении XVIII в. Гагарины использовали оригинальный герб, центром которого был придуманный ими символ былого удела предков – Стародуба Ряполовского. Эта фантастическая территориальная эмблема представлялась в качестве коронованного княжеской шапкой «старого» дуба с выходящей из ветвей вооруженной мечем рукой. Под дубом изображался медведь, видимо, ищущий желуди. Эта композиция была и гласной («старый» дуб = Стародуб) и символически насыщенной.

Ряд представителей рода князей Гагариных XVIII в. пользовался этой эмблемой в качестве единственной фигуры, помещенной в однопольном щите. Такой герб содержат опубликованные А.Т. Князевым печати действительного тайного советника шталмейстера Сергея Васильевича Гагарина (ум. в 1782 г.), генерал-майора Матвея Алексеевича Гагарина (1725–1793 гг.)⁵², Петра Ивановича Гагарина⁵³ (рис. 11). Другие Гагарины заимствовали дополнительные эмблемы из гербов однородцев. Так, действительный тайный советник князь Гавриил Петрович Гагарин (1745–1808 гг.) употреблял на своей печати пятипольный герб. В первом его поле изображалась вооруженная мечем рука в латах, во втором дерево, в третьем крепость, в четвертом дерево с идущим от него медведем, в щитке стародубская эмблема. Герб дополнен девизом «Labore Exaltatur»⁵⁴. Впоследствии именно этот вариант без каких-либо изменений (кроме опущенного девиза) был утвержден в составе Общего гербовника⁵⁵ (рис. 12).

Авторитет утвержденного герба был достаточно высок. Без изменений он использовался представителями рода Гагариных на протя-

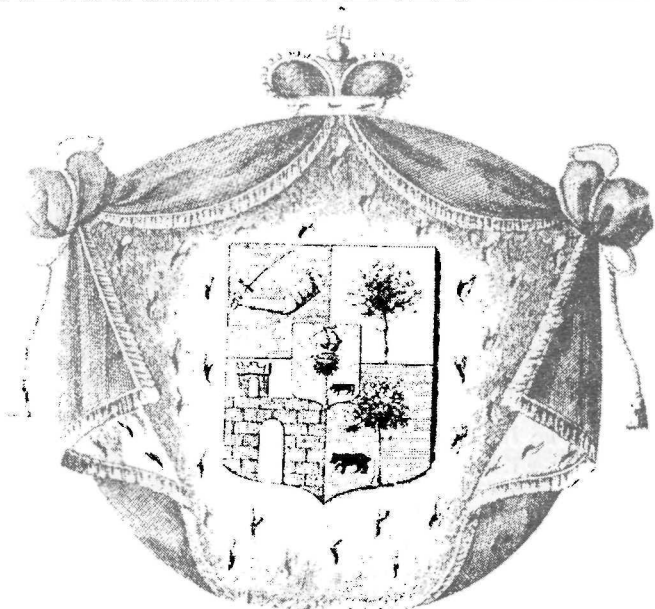

Рис. 12. Герб князей Гагариных. (ОГ. Т. 1. № 14).

жении XIX в. При этом князья Гагарины оставляли за собой право дополнять этот герб понравившимися им девизами⁵⁶.

Понятно, что известный сфрагистический материал XVII–XVIII вв. не позволяет судить о внешнем виде тамги «Благодать». Ее название идет, возможно, подобно некоторым тюркским тамгам, от русского аналога урака, боевого клича Гагариных, либо является переводом тюркского урака.

Голицыны (князя из рода Гедимина и рязанские дворяне) и тамга «Гамар»

Потомки Гедимина князя Голицыны получили имя от Михаила Ивановича Голицы Булгакова (уп. с 1510 г. – ум. в 1558 г.). Однако сыновья М.И. Голицы назывались еще Булгаковыми-Голицыными. Первым из этого рода стал писаться Голицыным князь Иван Иванович Шпака (уп. с 1592 г., ум. в 1607 г.)⁵⁷. Таким образом тамга «Гамар» могла принадлежать князьям Голицыным с конца XVI – начала XVII в.

Татищев не титулует владельцев тамги «Гамар» князьями. В этой связи следует отметить, что существовал также род Голицыных, не обладавших княжеским титулом. Он происходил от рязанцев Девятого и

Неждана Елизаровичей Голицыных (уп. в 1628 г.) через их внуков Аммоса Венедиктовича, Ивана Ивановича и Федора Ивановича. Этот род был записан в шестую часть родословной книги Рязанской губернии. В источниках и литературе (включая и труд Татищева) не исключена путаница с двумя однофамильными родами. Действительно, писцовые и межевые книги XVII в. называют загадочных для родословия князей Голицыных стольника Дементия Михайловича, владевшего землями в Московском уезде в 1699 г., стольника Бориса Александровича, вотчинника в Мещовском, Московском и Новосильском уездах⁵⁸.

В XVII–XVIII вв. Голицыны пользовались гербом с изображением эмблемы своей родины Литвы – «Погони». Иногда «погоня» помещалась в верхней части трехчастного герба, в правой нижней его части помещался новгородский герб, в левой – либо польский герб «Корибут», либо двуглавый орел, либо крест с раздвоенными концами, имеющий в центре одноглавого или двуглавого орла⁵⁹ (см. рис. 13). В последнем варианте герб Голицыных был утвержден официально в конце XVIII в.⁶⁰ Ни одна из эмблем, входивших в герб князей Голицыных, не может быть признана геральдизированной тамгой.

Геральдическая традиция дворянского рода Голицыных не отражена в известных на сегодня источниках.

Происхождение названия родовой тамги «Гамар» неясно. Возможно, источник Татищева исказил его написание.

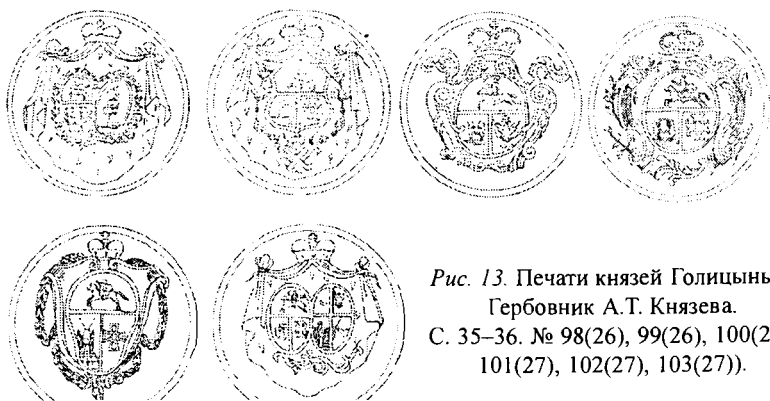

Рис. 13. Печати князей Голицыных.
Гербовник А.Т. Князева.
С. 35–36. № 98(26), 99(26), 100(26),
101(27), 102(27), 103(27)).

Долгоруковы (князья и дворяне) и тамга «Сургут»

Князья Долгоруковы обособились от князей Оболенских с конца XV в., когда сыновья князя Ивана Андреевича Долгорукого Оболенского стали называться князьями Долгоруковыми. Тамга «Сургут» как родовой знак князей Долгоруковых могла фигурировать лишь с этого времени. С конца XVI в. князья Долгоруковы входили в состав думных чинов. Представители этого рода переводились из стольников в бояре, минуя чин окольничего. Древние родовые вотчины Долгоруковых располагались в Оболенском уезде.

За период XVIII в. осталось достаточное количество источников, позволяющих судить о геральдической традиции этого рода. В Оружейной палате хранится ружье с гербом в овальном щите, окруженном цепью датского ордена Слона. Оно принадлежало князю Василию Лукичу Долгорукову⁶¹. В.К. Лукомский датировал его 1721–1722 гг.⁶² Это – наиболее ранний из известных на сегодня вариантов герба. Эмблемы расположены здесь в следующей последовательности: 1) «знамя» черниговское; 2) «знамя» киевское; 3) рука, выходящая из облака, держащая стрелу; 4) крепость. Точно такой порядок соблюден во всех известных нам изображениях XVIII в. Без изменений герб князей Долгоруковых был внесен в Общий гербовник.

Ни в одном из гербов черниговских князей, кроме Долгоруковых, вооруженная стрелой рука, выходящая из облаков, не встречается. Нет никакого сомнения, что это эмблема «гласная», созвучная их фамилии – «долгая рука». Помимо своего прямого значения – указания на фамилию владельца герба – изображение руки могло нести и дополнительную смысловую нагрузку. В геральдике петровской эпохи подобные фигуры (руки, вооруженные мечем, саблей, булавой) были популярны. Они, вероятно, соотносились с библейскими текстами, где говорится о божьем наказании врагам, о вмешательстве Творца в земные дела на стороне праведников. В условиях Северной войны образ десницы божьей, поражающей врага, приобретал известную актуальность.

Изображение крепости в гербах черниговских князей помимо князей Долгоруковых встречается только у Щербатовых. В источниках и литературе имеются различные трактовки этой фигуры.

Согласно А.Б. Лакиеру, крепость в гербах князей Долгоруковых и Щербатовых «может означать здесь не иное что, как владение го<род>-ами»⁶³. Такую трактовку принять трудно. Владение городами не есть отличительная черта в истории двух родов. С.Н. Тройницкий отказался разделить мнение А.Б. Лакиера и считал значение этой эмблемы не уста-

новленным⁶⁴. Более интересной была версия М.М. Щербатова. Подавая прошение о внесении его рода в родословную книгу Московской губернии, историк дал обстоятельный комментарий своему гербу. Он констатировал происхождение своего рода от князей Киевских, их отрасли князей Черниговских и, наконец, от ветви последних – князей Тарусских. Рассуждая совершенно последовательно, М.М. Щербатов характеризовал фигуру орла в щитке как герб Чернигова, ангела в первом и четвертом полях – как герб Киева, а «серебряной град с бойницею, зубцами и воротами со означением камней черных» – эмблемой «в память переселения в Тарусу» его предков⁶⁵.

Щербатов не стал называть эту фигуру гербом Тарусы. Такая осторожность понятна. 10 марта 1777 г. был высочайше утвержден герб этого города, не имеющий ничего общего с фигурой на гербах Долгоруковых и Щербатовых: «серебряный щит с голубою полосою сверху вниз». Но и в качестве неофициальной (или забытой старой) эмблемы Тарусы крепость вряд ли приемлема. Князь Юрий Михайлович Тарусский был или считался предком ряда княжеских родов – Барятинских, Репниных, Лыковых, Оболенских, Волконских и т.д. – но изображения крепости в гербах этих родов нет.

Вероятное происхождение данной эмблемы, на наш взгляд, таково. В первой четверти XVIII в. кто-то из князей Долгоруковых, составляя свой герб, располагал печатью стольника и воеводы князя Григория Даниловича Долгорукова. П.И. Иванов зафиксировал ее на документе 1658 г.⁶⁶ Печать изображает крепость, над которой более мелкая и, возможно, непрочтенная составителем герба фигура орла, несущего в лапах змею. Князья Щербатовы заимствовали эту эмблему у Долгоруковых, посчитав ее территориальной и необходимой на своем гербе вследствие происхождения от одного с Долгоруковыми предка – князя Андрея Константиновича Оболенского. Таким образом, крепость стала на ту пору своеобразным символом его удела. Отметим, что герб города Оболенска, кажется, не был утвержден вообще.

В 1845 г. дворянский диплом, выданный императором Николаем I, закрепил герб за побочным сыном («воспитанником») князя Петра Яковлевича Долгорукова, капитаном Александром Петровичем, ставшим основателем дворянской ветви Долгоруковых. Из княжеского герба в новую композицию перешла «долгая рука», помещенная в верхней части щита. В нижней части была изображена зажженная граната в память о службе А.П. Долгорукова в артиллерии⁶⁷.

Название тамги «Сургут» соотносится с рядом топогидронимов. Так называется один из протоков р. Оби в нынешней Тюменской облас-

ти, давший в 1594 г. имя острогу. Здесь в 1599 г. был воеводой князь Федор Тимофеевич Долгоруков. В Самарской области протекает река Сургут, левый приток Сока. В Красноярском крае на Енисее имеется селение Сургутиха. Имя тюменского Сургута связывают с языком ханты, переводя его как «богатая рыбой пойма реки». Н.К. Фролов считает, что основу указанных топогидронимов составило название племени сургут. Для нас несущественна первичность гидронима или этнонима. Важно, что племя сургут существовало, обладало элементами племенной организации, в том числе и тамгой. По какому поводу князя Долгоруковы ее усвоили и каков был ее внешний вид, сейчас неизвестно.

Давыдовы (род Минчака Касаева, тверские дворяне Давыдовы) и тамга «Минчак»

По подсчетам В.В. Руммеля, к концу XVII в. насчитывалось семнадцать дворянских (к ним следует прибавить один княжеский) родов с фамилией Давыдовы. Однако нет никакого сомнения, что тамгой «Минчак» мог пользоваться только род Давыдовых потомства Минчака Касаева (иначе – Давыдовы-Минчаковы) и те Давыдовы, которые претендовали на родство с ним. Мурза Минчак выехал в Москву в начале XV в. и по крещении принял имя Симеон. От старшего сына Минчака Давыда Симеоновича пошел род Давыдовых. Одна из ветвей Давыдовых унаследовала в XIX в. фамилию и титул графов Орловых (графы Орловы-Давыдовы). От других сыновей Минчака-Симеона пошли Оринкины, Злобины, дворяне и графы Уваровы.

Сыновья и внуки Давыда Симеоновича Минчакова, первые Давыдовы, хорошо знакомы источникам первой трети XVI в. В поземельном отношении они были связаны с Дмитровским, Рузским и Коломенским уездами, с начала XVII в. – с Арзамасским уездом.

Существовал и другой род Давыдовых, происходящий из Тверского уезда. Для «улучшения» своего происхождения тверские Давыдовы приписались к Давыдовым-Минчаковым, наделив Давыда Симеоновича Минчакова четвертым сыном Иваном. Именно эти Давыдовы подали в Родословную палату в конце XVII в. роспись за весь род Давыдовых⁶⁸.

Основатель рода Давыдовых Минчак Касаев мог иметь свою собственную тамгу, закрепившуюся у его ближайших потомков. Известие о том, что род Давыдовых пользовался семейной тамгой с названием «Минчак» вызывает доверие к сообщению Татищева в целом.

Сфрагистический материал, относящийся к представителям рода Давыдовых-Минчаковых, не дает представления о их родовой тамге. Известна печать писца Федора Григорьевича Давыдова, правнука Мин-

чака, датированная 1561 г. Печать текстовая, содержит только надпись «Федора Давыдова»⁶⁹.

Другие печати Давыдовых относятся ко второй половине XVIII в.; они были зарисованы А.Т. Князевым. На печатях уже сложившиеся геральдические композиции. Герб Ивана Ивановича Давыдова (род. в 1726 г., генерал-поручик в 1773 г., отставлен в 1781 г.) был четверочастным со щитком в центре. В первой и четвертой частях изображался орел, вылетающий из облака и обращенный к центру щита, с мечем в каждой лапе; во второй и третьей частях натянутый лук со стрелой, направленной к краю щита, с тремя звездами над ним. В щитке помещался польский герб «Корибут»: полумесяц, обращенный рогами вниз, сверху которого крест, снизу звезда. Щит помещался на мантии с дворянской короной, поддерживался орлом, был окружен трофеями. В точности повторяла этот герб печать Льва Денисовича Давыдова (1743–1801 гг.)⁷⁰ (рис. 14). Лев Денисович принадлежал к потомству Александра Давыдовича, старшего внука Минчака; Иван Иванович был потомком другого внука Минчака – Григория Давыдовича. Их ветви разделились в начале XVI в., что не помешало проявить консолидированный подход к выработке родовой эмблемы.

Рис. 14. Печати дворян Давыдовых. (Гербовник А.Т. Князева. С. 41. № 116(31), 118(31)).

При внесении в Общий гербовник герб дворян Давыдовых подвергся небольшим изменениям. Исчезло облако, из которого вылетал орел (части 1 и 4), орлу же оставили только один меч. Герб снабдили шлемом с дворянской короной и наметом, убрав мантию и щитодержателя⁷¹ (рис. 15).

Официальное утверждение герба Давыдовых не помешало его дальнейшему развитию. Герб на надгробии Л.Д. Давыдова в Московском

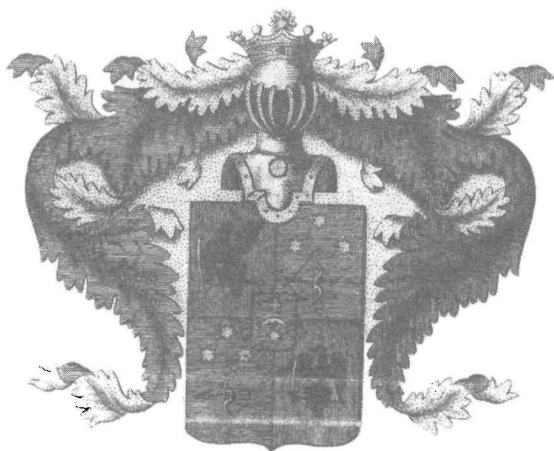

Рис. 15. Герб Давыдовых-Минчаковых. (ОГ. Т. 2. № 51).

Донском монастыре во второй, третьей частях и щитке совпадает с вариантом Общего гербовника. Орлу же в первой и четвертой частях вернули второй меч. Внизу щита была помещена лента, подобная девизной, с княжеской короной на ней (рис. 16).

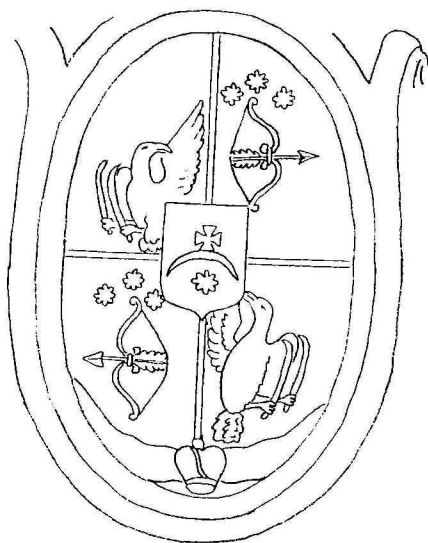

Рис. 16. Герб с надгробия
Л.Д. Давыдова.
Некрополь Московского Донского
монастыря. (Прорись).

В 1890 г. был утвержден новый герб дворян Давыдовых для потомков обер-церемониймейстера Николая Евдокимовича и его брата Василия. В этом варианте был изменен цвет поля в первой и четвертой частях (с красного на золотой), добавлены нашьлемник (орел с мечем), щитодержатели (два русских витязя) и девиз «Богу и государю»⁷².

Однородцы Давыдовых графы и дворяне Уваровы имели в своем гербе лишь одну общую с ними деталь – «Корибут» в щитке⁷³. Вероятно, он воспринимался в качестве эмблемы общего прародителя, Минчака Касаевича. Но предположение о том, что бывшая тамга Минчак эволюционировала в фигуру, совпавшую в результате с «Корибутом», было бы слишком смелым. Вероятно здесь имеет место прямое заимствование из польской геральдики, или из гербов влиятельных соотечественников – князей Голицыных, Куракиных, Дашковых, имевших в своих гербах эту фигуру.

Наименование фамильной тамги Давыдовых по имени основателя рода точно соответствует практике, бытовавшей у тюрков. Добавим, что Минчак – распространенное у тюркских народов мужское имя, производное от «мунчак» – бусы, ожерелье из драгоценных камней⁷⁴. С.Б. Веселовский фиксирует слово «Минчак» в качестве различных элементов именной формулы. Он упоминает переяславского бортника Минчака (конец XV в.), Семена Васильевича Минчака Стуришина (1582 г.), подьячего Пушкарского приказа Елисея Минчакова (1623 г.)⁷⁵.

Князья Ромодановские и тамга «Гамаюн»

Первыми князьями Ромодановскими, которые могли употреблять тамгу «Гамаюн», были дети князя Василия Федоровича Ромодановского Стародубского, жившие в начале XVI в.

Родовые вотчины князей Ромодановских в первой трети XVII в. располагались в Стародубском стане Суздальского уезда⁷⁶. За счет передачи в вотчину поместий Ромодановские к последней четверти XVII в. стали владеть новыми вотчинами, в том числе (отметим это отдельно) и в Калужском уезде⁷⁷.

В XVI–XVII вв. князья Ромодановские пользовались печатями с ненаследуемыми изображениями. На печати стольника и воеводы Василия Григорьевича Ромодановского (1623 г.) был изображен грифон⁷⁸; печать стольника и воеводы Ивана Ивановича (1644 г.) содержала дворянский герб со львом в щите⁷⁹; князь Петр Борисович Ромодановский (1558 г.) использовал штемпель с фигурой девы с веретеном⁸⁰.

Наиболее ранним вариантом герба князей Ромодановских следует считать композицию, помещенную на печати костромского наместни-

ка, киевского воеводы и ближнего боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановского, датированной 1689 г. Этот герб представляет собой изображение дуба с желудем на нем и идущим к дубу медведем. Печать имеет круговую надпись: «Печать ближнего боярина и воеводы киевского, наместника костромского князя Михаила Григорьевича Ромодановского Стародубского». В.В. Румянцева, вновь опубликовавшая эту печать, анализирует ее, явно путая Стародуб, уездный город Черниговской губернии, со Стародубом Ряполовским на Клязьме, древней вотчиной князей Ромодановских⁸¹. По ее мнению, черниговский Стародуб, будучи уделом Стародубских князей, отразил в своем городском гербе геральдические традиции этого рода.

На самом же деле Стародуб на Бабинце (ныне – районный центр Брянской области) был уделом князя Семена Ивановича Можайского. Впоследствии Стародубское княжество перешло к Василию III. Предки же М.Г. Ромодановского-Стародубского владели уделом с центром в г. Стародуб Ряполовский, располагавшимся по течению р. Клязьмы ниже Владимира. Понятно, что у этих городов, помимо названия, мало общего и путать их не следует.

В первой четверти XVIII в. герб князей Ромодановских представлял собой уже сложную, многопольную композицию, представлявшую собой, вероятно, своеобразный синтез сфрагистического материала XVII в.

Парадный вариант герба князей Ромодановских известен по печати младшего «князь-кесеря» Ивана Федоровича Ромодановского, сохранившейся в виде оттиска на черном сургуче в письме к А.Д. Меншикову от 5 июня 1727 г.⁸² Герб состоял из шести полей и одного круглого щитка. Эмблемы здесь расположены следующим образом: 1,6 – дерево; 2 – зверь (собака или лев), обращенный геральдически влево; 3,4 – рука с мечем; 5 – князь; 7 (щиток) – медведь, идущий вправо к дубу. Три шлема покрыты княжескими шапками, имеется намет и щитодержатели – медведи. Вокруг щита обведена цепь ордена св. Андрея Первозванного. Последнее обстоятельство позволило С.Н. Тройницкому датировать герб И.Ф. Ромодановского временем между 1726 г., когда был получен этот орден, и 1730 г., когда князь скончался. На самом деле точная датировка печати 5 июня 1727 г. оставляет за скобками дату смерти И.Ф. Ромодановского.

Когда-нибудь репрезентативная подборка печатей князей Ромодановских за XVII – начало XVIII в. позволит установить прообраз для каждого поля этого герба. Очевидно, что фигура щитка восходит к печати М.Г. Ромодановского или к ее протографу. Фигура второго поля (зверь), по не лишенному оснований предположению С.Н. Тройницкого, пере-

кликается с грифоном на печати 1623 г. князя Василия Григорьевича Ромодановского. Этот же гриф, согласно Тройницкому, послужил прообразом и для орла, содержащегося в гербе князей Гундоровых. Что же касается дважды повторенных в щите фигур дерева (вероятно – дуба) и вооруженной руки⁸³, то они, скорее всего являются фрагментами искусственно разбитой композиции – коронованного княжеской шапкой дуба с выходящей из ветвей вооруженной руки. Как очевидный символ Стародубского удела эта композиция в цельном виде содержится в гербах однородцев Ромодановских, князей Гагариных и Хилковых. Наконец, что касается фигуры пятого поля, описываемой обычно как «стародубский князь в княжеской мантии и шапке с посохом в руке», то это, скорее всего, плохо прочтенное с печати «знамя» киевское. В гербе князей Гундоровых эта фигура в своем неискаженном виде (т.е. – ангел с мечем) занимает то же место (пятое поле), что и «стародубский князь» в гербе Ромодановских.

8 апреля 1798 г. выморочные титул и фамилия князей Ромодановских по высочайшему указу были переданы сенатору, действительному тайному советнику Николаю Ивановичу Лодыженскому, внуку по женской линии князя Андрея Михайловича Ромодановского. При составлении герба князей Ромодановских-Лодыженских Герольдия располагала уже утвержденным гербом дворян Лодыженских⁸⁴ и упомянутой выше печатью князя И.Ф. Ромодановского. Из последней в герб новых князей вошли все фигуры щита, а также три дворянских шлема, покрытые княжескими шапками, намет и щитодержатели – медведи. На эти атрибуты князя Ромодановские, строго говоря, не могли претендовать, не будучи жалованными дворянами. Тем не менее они были оставлены в гербе Ромодановских-Лодыженских, которые с учетом указа от 8 апреля 1798 г. могли с некоторой натяжкой считаться жалованными князьями.

Достоверность известия Татищева о том, что князья Ромодановские пользовались тамгой «Гамаюн», следует оценить высоко. Леса князей Ромодановских в Калужском уезде носили название «Гамаюнщина», возможно в память о межевых метках хозяина или о его прозвании⁸⁵. Г.В. Ражнев считает, что тамга Ромодановских не только называлась, но и изображала птицу Гамаюн⁸⁶. Это предположение излишне смелое – детальное изображение птицы слишком расходится с нашим представлением о тамгообразных знаках. Возможно, что «Гамаюн», если и было прозванием одного из Ромодановских, восходило не к сказочному персонажу, а к имени Великого могола середины XV в. Хумаюну, в русском варианте принявшего форму Гамаюн.

**Салтыковы (потомство фоминских
князей и потомство Михаила Игнатьевича
Салтыка) и тамга «Салтык»**

Салтыковых существовало два крупных рода. Первый, Салтыковы-Морозовы, назвавшие впоследствии своим родоначальником «мужа честна» Михаила Прушанина, шел от Михаила Игнатьевича Салтыка Морозова (середина XV в.). Второй род Салтыковых, потомство фоминских князей, происходил от воеводы Ивана Ивановича Салтыка Травина (уп. в 1469–1489 гг.)⁸⁷. Соответственно, Салтыковы-Морозовы могли употреблять тамгу «Салтык» со второй половины XV в., а Салтыковы-Травины – ближе к концу XV в. Однако последний род не удержал фамилию Салтыковых и стал именоваться просто Травины.

Салтык в русском языке означал «лад, склад, образец» («переделывать на свой салтык») ⁸⁸. Популярное в русской дворянской среде прозвание «Салтык», вероятно, было заимствовано от татарских соседей. В тюркских языках это имя собственное, восходящее либо к *saltaq* (прихрамывающий), либо к *saltyq* (нравственный), либо к *salt atty* (всадник) ⁸⁹. На Русь могли дойти известия о могущественном Салтуке, князе Эрзерумском (XII в.).

На печати боярина Льва Андреевича Салтыкова (1564 г.) был изображен лев, вооруженный мечем ⁹⁰.

В Речи Посполитой существовал дворянский род Солтык, пользовавшийся одноименным гербом (мы описали его выше). Это было потомство Ивана Никитича Ера Салтыкова из рода Морозовых, выехавшего в 1612 г. в Польшу и там принявшего католичество. Обычно русские дворяне заимствовали польские гербы у родов с созвучными фамилиями. Однако герб «Солтык», судя по всему, наоборот, был заимствован поляками у русской ветви рода в XVIII в.

Ранние кодификаторы польского гербового материала «Солтыка» не знали. О нем молчал не только современник И.Н. Ера Салтыкова Бартош Папроцкий, но и геральдисты второй половины XVII в. – Войцех Коялович и Шимон Окольский. Первым герб «Солтык» описал Каспар Несецкий ⁹¹. При этом он обошелся без обычных легенд, «удревнявших» историю герба, отметив лишь, что в России гербом «Солтык» пользуются Салтыковы, родственники императрицы Анны Иоанновны. Приходится признать, что польский герб «Солтык» не имел собственной истории в Польше до принятия его русскими Салтыковыми.

Наименование тамги по имени основателя рода соответствует обычаям тюркских племен. Что до внешнего ее вида, то мы не располагаем источниками, позволяющими об этом судить.

**Собакины (потомство фоминских князей,
роды Ольгерда Преги и дьяка Семейки Собакина),
Собаковы и тамга «Доезжай»**

Прозвище Собака было на Руси очень распространено. Равным образом были многочисленными и роды Собакиных.

Древнейший из них был ветвью фоминских князей. Одного из четырех сыновей князя Федора Красного Большого Константиновича Фоминского звали Иван Собака. От старшего сына И.Ф. Собаки, Семена Травы, пошли Травины. У младшего, Василия Ивановича Собакина, был один бездетный сын Михаил. Таким образом, этот род насчитывал всего два поколения и угас в первой половине XVI в.⁹²

Другой известный род Собакиных производил себя от датского выходца, «мужа честна» Ольгерда Преги, в крещении Дмитрия, выехавшего будто бы в 1294 г. к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Великий князь выдал за него свою сестру Ярославу Ярославну. Правнук Ольгерда-Дмитрия (по счету поколений это невероятно) Данила Григорьевич Собака перешел в 1495 г. на службу в Москву. Потомки Д.Г. Собаки служили в боярах и стольниках. Праправнучка тверского боярина, Марфа Васильевна, была царицей, третьей женой Ивана Грозного. Брак состоялся 28 октября 1571 г.; 13 ноября того же года царица скончалась. К.С. Собакин вскоре был пожалован в кравчие, В.С. Собакин в бояре, Г.С. Собакин в окольничие. Однако Иван IV заподозрил Собакиных в заговоре и племянники В.С. Собакина были казнены. Представители этого рода Собакиных в первой трети XVII в. владели вотчинами в Вяземском, Коломенском, Пошехонском, Юрьевском уу., позднее приобрели вотчины в Арзамасском, Бежецком, Галичском, Кашинском, Каширском, Московском, Переяславском, Романовском, Ростовском, Рязанском, Шуйском, Ярославском уу.⁹³ Этот род пресекся в 1837 г. Был внесен в шестую часть родословной книги Московской губернии.

Из этого рода происходил стольник второй половины XVII в. Алексей Афанасьевич Собакин, печать которого (1687 г.) опубликовал П.И. Иванов. Она содержит инициалы «П[ечать] А[лексей] А[фанасьевича] С[обакина]», помещенные в геральдическом щите вместо фигуры. Щит окружен обыкновенным гербовым антуражем; в нашламнике — конь⁹⁴.

Герб Собакиных потомства Ольгерда Преги был утвержден в 1799 г. в следующем виде: четверочастный щит с щитком в центре, на котором изображен всадник, вооруженный мечем. В первой части в серебряном поле черный коронованный орел, во второй в красном поле

коронованный золотой лев, в третьей в красном поле серебряная собака, в четвертой в серебряном поле красная крепость⁹⁵.

Наконец, третий род Собакиных шел от дьяка Семена (Семейки) Васильевича Собакина (ум. в 1632 г.), пожалованного за московское осадное сидение в 1608 г. вотчиной в Суздальском уезде⁹⁶. Подробные сведения о его службе собраны С.Б. Веселовским⁹⁷. В этом роду были стряпчие и стольники.

Отметим, что отдельные лица с прозванием или фамилией Собакин, упоминаемые источниками, не встречаются в родословных ни одного из трех родов Собакиных, упомянутых выше. В 1598 г. на Тулу, Дедилов и Крапивну был послан жилец Алексей Собакин «про... государев приход сказать и воевод, и голов, и всех ратных людей о здоровьи спрашивать»⁹⁸. Собакиными именовались несколько дьяков (Иван Дорофеев, Степан, Юрий) конца XVI – середины XVII в.⁹⁹

По опубликованным росписям неясно, в каком родстве состояло с другими Собакиными семейство, избравшее своим некрополем Троице-Сергиев монастырь. Некий Семен Васильев сын Собакин в 1590 и 1615 гг. делал вклады в Троицу. Он может быть отождествлен с дьяком и суздальским помещиком, основателем третьего, по нашему счету, рода Собакиных. В таком случае это дает целый ряд лиц, неизвестных родословной росписи, но упоминаемых монастырской вкладной книгой в качестве родни С.В. Собакина. В первый раз (1590 г.) С.В. Собакин вместе со своим братом Матвеем дали вклад по другому брату Андрею, погребенному в стенах монастыря. Андрея Васильева сына Собакина вкладная книга Троице-Сергиева монастыря называла ранее, 13 апреля 1588 г., когда он давал вклад по отцу Василию Собакину. Василий Собакин был в тот же день погребен в монастыре. Матвей Васильевич Собакин скончался в 1598 г.; 25 мая этого года по нем дала вклад его вдова Екатерина. Второй раз (1615 г.) С.В. Собакин с братом Афанасием давали вклад по брату Ивану¹⁰⁰.

Таким образом, некрополь и владная книга Троицы добавляют к родословной росписи Собакиных четверых братьев дьяка С.В. Собакина: Андрея, Матвея, Ивана и Афанасия. М.В. Собакин оставил сыновей Ивана и Семена. Иван Матвеев сын Собакин 2 марта 1611 г. дал вклад по своему племяннику Борису Семенову сыне; последний, как свидетельствовало надгробие, умер 19 февраля 1611 г. Он был погребен в монастыре подле супруги, Феодосии Ивановны, урожденной Головкиной (ум. 22 ноября 1610 г.). Наконец, 10 мая 1632 г. по С.В. Собакину дали вклад его сыновья Иван и Василий, известные родословной (Василий Семенович – стряпчий в 1636 и 1640 гг., дворянин московский в 1656 г., ум.

в 1677 г.), и вдова Анна Дмитриева дочь Жедринского. Это совпадает с датой смерти дьяка Семейки Собакина, что подтверждает правильность отождествления. В 1726 г. постриглась в монахини Александра Афанасьевна, вдова майора Ивана Алексеевича Собакина (ум. 17 июня 1744 г.). И.А. Собакин неизвестен среди потомков дьяка Семейки Собакина, но мог быть его правнуком, сыном стряпчего (1692 г.) Алексея Васильевича (ум. в 1736 г.). Вотчины потомства Семейки Собакина располагались в Дмитровском, Суздальском и Шуйском уездах¹⁰¹.

В.Н. Татищев, скорее всего, имел в виду наиболее знатный и известный род Собакиных, к которому принадлежала царица Марфа Васильевна. Понятно, что в этом случае тамга «Доезжай», как родовой знак Собакиных, могла существовать с начала XVI в. Официально утвержденный герб Собакиных потомства Ольгерда Прегги не содержит эмблем, которые можно было бы истолковать как геральдизированную тамгу.

Отметим, что существовал еще род дворян Собаковых, известный с 1616 г. Их герб, вошедший в Общий гербовник, представлял собой «щит, разделенный горизонтально на две части, из коих в верхней в красном поле изображен золотой серп и под ним серебряная стрела, летящая в правую сторону; в нижней части в голубом поле собака натурального цвета»¹⁰². Лаконичная в графическом отношении фигура верхнего поля дает некоторые основания видеть в ней измененную тамгу. Впрочем, неясно, мог ли источник Татищева путать роды Собакиных и Собаковых?

Звучание тамги «Доезжай» напоминает глагол в повелительном наклонении. Возможно, название она могла получить от отечественного аналога боевого клича-урака. Во всяком случае, мы не знаем ни одного лица из Собакиных с таким прозвищем.

Князя Трубецкие и тамга «Трубецкой»

Источники не знают других лиц с этой фамилией, кроме князей Трубецких, потомков Гедимины. Они перешли на службу московскому государю весной 1500 г.¹⁰³ Думается, что бытование тамги (по Татищеву, одноименной их роду), совпадает скорее с московским этапом истории Трубецких, а не с литовским, коль скоро этот род упоминается в ряду русских дворян. Будем считать, что ее использование могло иметь место с начала XVI в.

Герб князей Трубецких был утвержден в составе Общего гербовника в следующем виде: «Щит разделен на четыре равные части, в которых изображены: в первой в золотом поле – два грифа, держащие лапами княжескую корону; во второй части в голубом поле – белый одноглавый

орел с распростертыми крыльями; в третьей части в красном поле – всадник, на белом коне скачущий, имеющий в руке шпагу, вверх поднятую; в четвертой части с серебряным полем – бычачья голова. Щит покрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству»¹⁰⁴.

На протяжении всего XVIII в. именно эта композиция использовалась в качестве герба представителями рода Трубецких. Мы видим ее на печатях князей Дмитрия Юрьевича (ум. 1792 г.) и Николая Никитича (1744–1821 гг.)¹⁰⁵. Впрочем, гербовый экслибрис сенатора князя Петра Никитича, датированный 1778 г., содержал другой герб. Здесь изображена «погоня» без каких-либо дополнений, сопровождаемая девизом «Nec temere nec timide»¹⁰⁶. «Погоня» в чистом виде, обозначая на языке геральдики старшинство среди потомков Гедимины, в этом случае является, конечно, памятником тщеславия владельца герба. Трубецкие уступали в старшинстве целому ряду родов в России и Польше.

Устойчивость композиции герба Трубецких говорит, по-видимому, о вполне осмысленном его применении, отсутствии спорных трактовок его символики. В настоящее же время символика герба раскрывается с трудом. Герб Трубецких в утвержденном варианте содержит несколько загадочных эмблем, не получивших комментариев в научной литературе. Это, во-первых, грифы в первом поле щита, во-вторых, голова быка в четвертом. Помещенные среди явно территориальных эмблем (польский орел, литовская «погоня»), данные фигуры должны, вероятно, нести аналогичную смысловую нагрузку.

Для брянского краеведа Н.Г. Тихонова здесь никакой загадки нет: «Символика герба означает: грифы – соединение силы и быстроты; орел – олицетворение власти, прозорливости, великодушия; бык (тур) – плодородие земли; всадник – знак воинской доблести»¹⁰⁷. Какое же отношение имеет «плодородие земли» к князьям Трубецким? Кто из них отличался такой выдающейся «быстротой», что память о ней потребовалось закрепить в родовом гербе?

Фигура, помещенная в первой, заглавной, четверти щита («в золотом поле два грифа, держащие передними лапами княжескую корону») должна была, очевидно, обозначать главный былой удел Трубецких – г. Трубчевск. Позже он был уездным городом Орловского наместничества (ныне в Брянской области). Официально герб этого города был утвержден только 16 августа 1781 г. – «В золотом поле три натурального цвета дули, каковыми плодами сей город славится». Как видно, составители городского герба не знали или игнорировали вариант Трубецких.

Рассуждая тем же образом, следует предположить, что бычья голова в четвертом поле также является территориальной эмблемой, относя-

шейся к другому уделу этого княжеского рода. Такой удел действительно был – это уже упоминавшаяся выше область Важа. Нам, правда, неизвестна официально признанная символика, относящаяся к этой территории. Между тем, данная эмблема может вести происхождение и от «Корибута», употреблявшегося однородцами Трубецких. Этот герб, повернутый на 180° (так он мог быть сориентирован на печатях), возможно, читался как некая рогатая фигура, трансформированная составителем герба в более понятный ему образ.

По-видимому, ни один элемент из гербов князей Трубецких не может быть признан остатком тамгообразного знака. Что до названия тамги, то ее одноименность с родом владельца точно соответствует практике тюрков.

Татищевы и тамга «Нуздай»

Татищевы хотели видеть себя потомками смоленских князей. Имя роду дал дмитровский землевладелец Василий Юрьевич, современник не то великого князя Василия Дмитриевича, не то Ивана III (в последнем случае – явный пропуск в два поколения, коль скоро он выдавался потомками за праправнука князя Святослава Глебовича). Прозвище Василия Юрьевича было Татиш. Оно должно было означать «его искусство раскрытия преступлений при судебном разборе; Татиш, т.е. разыскатель похитителей»¹⁰⁸. Вероятнее, что прозвищем основателя рода скорее было «Татище», т.е. не «разыскатель», а собственно «похититель» в превосходной степени, «ворище». Дети Василия Юрьевича, современники Василия III, должны были жить в конце XV – первой половине XVI в. Под 1556 г. разрядные книги фиксируют рынду Игнатия Петровича Татищева. С этого времени можно говорить о роде Татищевых, а значит и о тамге «Нуздай», ему принадлежавшей.

Родословная легенда Татищевых, как она была изложена при составлении Бархатной книги, стала нововведением по сравнению с Государевым родословцем. Против признания Татищевых потомками смоленских князей протестовали князья Дашковы и Кропоткины¹⁰⁹.

В утвержденном варианте герба Татищевых верхнюю часть щита занимает «в красном поле белое знамя, имеющее древко золотое»¹¹⁰. По мнению П.Н. Петрова (1886 г.) эта фигура «означает доблести рода Татищевых, не щадивших себя в войнах за отечество в качестве счастливых предводителей ополчений»¹¹¹. Тем самым автор опроверг здоровое суждение А.Б. Лакиера (1855 г.) о том, что это – «прежний смоленский герб»¹¹². С.Н. Тройницкий вернулся (1912 г.) к трактовке Лакиера. Он

справедливо считал данную фигуру смоленским гербом, как он изображался в традициях польской геральдики.

А.Т. Князев к 1785 г. срисовал три гербовые печати представителей рода Татишевых. На двух из них в качестве смоленской эмблемы изображено знамя. Это печати действительного статского советника Евграфа Васильевича Татищева (1717–1781 гг.) и действительного статского советника, правителя Казанского наместничества Ивана Андреевича Татищева (1740–1789 гг.)¹¹³. На печати же Якова Афанасьевича Татищева (1729–1806 гг.), серпуховского уездного предводителя дворянства, использовалась более привычная смоленская эмблема – птичка на пушке.

Объясняя эту двойственность, С.Н. Тройницкий предположил, что две ветви рода Татишевых – первая, от Степана Лазаревича, и вторая, от боярина Михаила Юрьевича (ум. в 1655 г.) – выработали самостоятельные геральдические традиции. Возникновение первой Тройницкий относит к беспрецедентно раннему для русской дворянской геральдики 1610 г., когда С.Л. Татишев был в составе Великого посольства Боярской думы к польскому королю Сигизмунду III под Смоленском. Здесь, по предположению ученого, С.Л. Татишев мог ознакомиться с польскими формами дворянской геральдики и с польским же вариантом смоленского герба. Это и привело к появлению первой редакции герба Татишевых. Версия Тройницкого представляется излишне смелой. Вряд ли есть достаточно оснований для предположения о том, что возникновение этой редакции следует отнести ко времени до Андрусовского договора 1667 г., после которого Смоленск перешел к России. Составитель герба мог иметь в своем распоряжении какие-то ранние источники, либо современные ему польские материалы, где традиция изображать смоленскую эмблему в виде знамени могла сохраняться в пику России. Таким образом, вопрос о дате появления остается открытым.

При этом наблюдение Тройницкого о том, что первая редакция герба Татишевых использовалась преимущественно потомками Степана Лазаревича, представляется нам ценной. К этому нужно добавить, что надгробия Аграфены Федоровны (1741–1789 гг.) и Натальи Васильевны (1723–1784 гг.) Татишевых, супруги и дочери коллежского советника Василия Ивановича Татищева, на Лазаревском кладбище в Санкт-Петербурге¹¹⁴ также содержат гербы в этой же редакции, в варианте Евграфа Васильевича (вырезной щит, древко из левого верхнего в правый нижний угол, дворянский шлем, намет, княжеская корона¹¹⁵).

По поводу второй редакции татишевского герба Тройницкий высказывает предположение о том, что его владельцем мог быть Михаил Юрьевич Татишев, посетивший Смоленск в 1662 г. (т.е. до Андрусовс-

кого договора). Он также «взял себе герб, но уже не польский, а тот, который существует до сих пор – пушку с сидящей на ней птицей». Непонятно, почему С.Н. Тройницкий считал, что обязательным условием составления герба был визит его владельца на родину предков. К тому же М.Ю. Татищев пребывал в Смоленске до Андрусовского перемирия и значит, по логике автора, должен бы взять себе смоленский герб в его еще польской версии.

Неоспоримо то, что во второй половине XVIII в. разные ветви рода Татищевых пользовались двумя разными редакциями герба, из которых одна подавала смоленское «знамя» в польском, а другая – в русском варианте.

Воедино обе редакции были слиты при внесении герба Татищевых в Общий гербовник. Щит здесь поделен горизонтально. Верхнюю часть занял польский вариант смоленского герба, нижнюю – русский. Все дворянские «жалованные» атрибуты (щит, намет) были сняты, а присвоены княжеские – мантия, корона.

При возведении в 1801 г. в графское достоинство генерала от инфантерии Николая Алексеевича Татищева (1730–1823 гг.) в этот герб был внесен знак императорской милости – орел – и графская корона¹¹⁶.

Понятно, что известные источники не отражают архаичную эмблему рода. Загадочным остается и этимология тамги «Нуздай». Наиболее вероятно, что это повелительное наклонение русского глагола «нуздать» (взнуздывать), каковое могло быть оригинальным «ураком» Татищевых или переводом с тюркского.

Хрущовы и тамга «Касуй»

Хрущовыми назывались несколько дворянских родов, возможно и не связанных между собой родством.

Древнейший из них производит себя от польского выходца Ивана Ивановича Хруща, прибывшего в Москву в 1493 г. Согласно С.Б. Веселовскому, прозвище И.И. Хруща – русское («хрущ» – майский жук)¹¹⁷. М.Н. Хрущов считал, что прозвище его предка происходило от литовского «хруще» (крупнее). Он якобы был так «назван народом вследствие своего атлетического сложения сравнительно с младшим братом». Этот же автор связал выезд И.И. Хруща с присоединением Северско-Литовской области после сражения при Дорогобуже, сдвинув его на 1503 г.¹¹⁸ Дворяне Мясоедовы, претендовавшие на родство с Хрущовыми, называли датой выезда И.И. Хруща и его брата Якова Мясоеда 1464 г.¹¹⁹ Из родословной росписи Хрущовых следует, что до выезда «Хрущовы служили в Ческой земле и в каруне Польской в честех и дан им герб»¹²⁰.

Не вызывает сомнения реальность сыновей И.И. Хруща (родословная роспись называет восемь их имен). Хрущовы конца XVI – начала XVII в. были мелкими тульскими, тарусскими и московскими помещиками. Их выдвижение было связано с успешной дипломатической службой Александра Васильевича, Лукьяна Борисовича, Бориса Лукича и Петра Лукича Хрущовых.

Стольник и воевода Федор Григорьевич Меньшой Хрушов в 1678 г. пользовался печатью с изображением льва, вооруженного палицей. Печать содержит инициалы «Г. Х.», что говорит о ее принадлежности отцу Ф.Г. Хрушова¹²¹.

В 1686 г. Хрущовы подали в Родословную палату свою роспись и свидетельство польских послов о шляхетском происхождении¹²². К росписи было приложено описание фамильного герба: «Животное тонкое и малое, скорпии много подобное, не совершенно желтым цветом одянное, живет огнем, который вся смертная снесает, во огни бо живет саламандра, а в сем гербе на огне сидящая саламандра – свиреп зверок с распростертыми крылами, пишется на короне хвост павлинов»¹²³. Иначе говоря, к 1686 г. Хрущовы, если у Татищева речь шла об этом роде, окончательно отказались от своей архаичной эмблематической традиции и присвоили себе польскую эмблему «Саламандра». Этот выбор не был случайным: Хрущовы были вдохновлены фактом существования в Чехии рода Chrapcoviі герба «Саламандра», упоминаемого С. Окольским. Созвучие имен давало возможность приписаться к этому роду.

В дальнейшем потомство И.И. Хруща пользовалось в качестве герба исключительно эмблемой «Саламандра». Она присутствует, в частности, на гербовых печатях высецкого воеводы в 1764–1765 гг. Николая Семеновича Хрушова (ум. до 1798 г.) и секунд-майора Ивана Фомича Хрушова (ум. после 1779 г.). Этот же герб был официально утвержден за потомством Петра Васильевича Хрушова 11 марта 1911 г. К эмблеме «Саламандра» в утвержденном варианте были добавлены щитодержатели-львы и девиз «Силой и храбростью»¹²⁴.

Потомки И.И. Хруща были внесены в шестую часть родословной книги Тульской, Орловской, Тамбовской, Курской, Московской и Харьковской губерний.

Кроме этого рода существовали потомки Фатьяна Хрушова, помещенного в Тарусском уезде в 1572 г. Представители этого рода не смогли возвыситься до московских чинов, оставаясь до петровских преобразований провинциальными городскими дворянами.

Хрущовыми назывались также потомки Григория Хрушова, жалованного поместьями в Рязанском уезде в 1622 г. Как и тарусские Хрущовы, они не достигли в XVII в. заметного положения.

В литературе существует путаница с последними двумя однофамильными родами. В Общий гербовник внесен герб рода Хрушовых, «жалованных поместьями в 1622-м и других годах». Это следует отнести к рязанцам, потомкам Григория Хрушова. Однако ряд авторов считают данный герб принадлежностью тарусцев, потомства Фатьяна Хрушова¹²⁵.

Утвержденный в составе Общего гербовника герб Хрушовых состоял из трех частей. В первой были «изображены два золотые креста и между ими серебряная подкова» (польский герб «Любич»); во второй «стрела, летящая вверху, сопровождаемая по сторонам двумя золотыми звездами шестиугольными» (польский герб «Сас»); в третьей «лев с серебряною стрелою, выходящий из стены» (возможно, несколько измененный польский герб «Правдич»)¹²⁶.

Отставной ротмистр Михаил Николаевич Хрушов, занимавшийся историей своего рода (он происходил из потомства Ивана Хруща), уверял, что фамилия Хрушовых принадлежала только одному дворянскому роду. Прочие однофамильцы, по его мнению, происходили от крепостных крестьян его предков. Непонятно, было ли это выпадом в сторону тарусских и рязанских Хрушовых, или наоборот, признанием общности их происхождения. Последнее вполне вероятно в отношении тарусцев, близких в поземельном отношении к потомству Ивана Хруща. М.Н. Хрушов не знал или игнорировал герб «Саламандра» и воспринимал герб, вошедший в Общий гербовник (рязанских Хрушовых), как собственность своего рода. Вдохновленный наличием в нем польских эмблем, этот автор «улучшил» родословную легенду, назвав И.И. Хруща потомком одной из ветвей литовских князей¹²⁷.

Название тамги Хрушовых «Касуй» следует возвести к собственному имени. Касуй или Касай – русифицированный вариант татарского имени Касим, употреблявшееся наряду с правильным вариантом. Это имя было широко распространено и сейчас трудно судить, по какому поводу и от кого именно Хрушovy заимствовали название, а возможно и изображение своей тамги.

Черкасские и тамга «Кабарда»

В российской истории фигурировало по меньшей мере четыре одноименных княжеских рода, выезжих из Кабардинской (Черкасской) земли и взаимно не признававших родства.

Наиболее известный род князей Черкасских происходил от кабардинского князя Темрюка, тестя Ивана Грозного. Братья царицы Марии Темрюковны Черкасской, мурзы Мамстрюк, Домалук и Султанкул (в

крещении Михаил, ум. в 1572 г.), а также ее двоюродные братья, переселились вместе с ней на Русь. Этот род принадлежал к высшему в служебном и поземельном отношении слою дворянства. Его представители производились в бояре из стольников, минуя чин окольничего. Своим предком эти князья Черкасские хотели видеть египетского султана Инала.

Князья Ахамашуковы-Черкасские были потомством воеводы в Казанском походе 1544 г. князя Ивана Ахамашуковича Черкасского. Этот род продолжался в трех поколениях и угас в 1652 г. со смертью внука И.А. Черкасского, окольничего и воеводы князя Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского.

Князья Егуповы-Черкасские происходили от современника Ивана Грозного, крещенного мурзы Чугупа (Ивана) Егуповича. Его сын, князь Никита Иванович Курица Егупов-Черкасский, был стольником при венчании на царство Михаила Федоровича, воеводой в Ливнах (1618 г.) и Томске (1632 г.). Этот род пресекся в XIX в.

Самый поздний род, носивший эту фамилию – потомство деятеля петровского времени Александра Бековича Черкасского (до крещения – Девлет-Киздень-мурза), лица загадочного происхождения.

П.В. Долгорукий отметил еще двенадцать лиц, именовавшихся князьями Черкасскими, но не вошедшими в родословные росписи упомянутых четырех родов. Вероятно, все они были принявшими крещение кабардинскими мурзами, не обязательно состоявшими в родстве с семьями, поставлявшими раздробленной Кабарде «старших» князей¹²⁸.

Тамга «Кабарда», одноименная одному из горских племен, как принадлежность черкесских владетелей, могла существовать издавна. В России же она должна была стать известна после выезда тех или иных черкесских мурз, ориентировочно – с середины XVI в.

Князья Черкасские «потомства Инала» к концу XVIII в. имели пятичастный герб: 1) в красном поле всадник с копьем на плече; 2) в голубом поле между трех шестиконечных серебряных звезд две скрещенные серебряные стрелы концами вверх, на которых помещен красный щит с серебряным на нем полумесяцем (титульный герб «Черкасских и горских князей»; 3) в серебряном поле лев, держащий в лапе лук со стрелой; 4) в золотом поле две перевившиеся змеи; 5) (щиток) золотая держава в горностаевом поле.

Возможно, какие-то из фигур этого герба являются геральдизированной тамгой «Кабарда».

Шереметевы и тамга «Шеремет»

Шереметевы происходили от боярина Андрея Константиновича Шеремета Беззубцева-Кошкина, потомка Андрея Ивановича Кобылы. Его сыновья Иван, Василий и Борис именовались Шереметевыми. Они упоминаются в источниках конца XV – первой половины XVI в.¹²⁹ Значит ранее тамга «Шеремет» как родовой знак Шереметевых появиться не могла.

В своей статье к новому родословию Шереметевых мы отметили несостоятельность традиционной трактовки герба Шереметевых и их однородцев¹³⁰. Общая для этих гербов эмблема – два креста с короной над ними – понимается геральдистами совершенно единогласно. Это – городской герб Данцига (Гданьска). Его присутствие на гербах Кобылиных объясняется родословной легендой. Согласно ей, Кобылины были в родстве с прусским королем Прутеню, который, уступив в 305 или 373 г. от Рождества Христова престол своему брату Вейдевуту, удалился в жрецы (отсюда – кумиропоклонный дуб в щитах и в нашламниках Кобылиных). Четвертым сыном Вейдевута был Недрон, владетель Судовии, Самогитии, Литвы «и других стран». Его потомок, Гланда Камбила Дивонович, теснимый Тевтонским орденом, выехал на Русь к Александру Невскому, где после крещения получил имя Иоанн. Сыном этого Иоанна и был Андрей, прозванный «по просторечию» Кобылой¹³¹.

Мы подчеркнули, что оформление этой легенды было связано с творчеством первого русского герольдмейстера Степана Андреевича Колычева. 20 августа 1722 г. он закончил составление рукописного сборника о происхождении Андрея Ивановича Кобылы, где впервые было упомянуто имя Гланды Камбилы Дивоновича. Книга герольдмейстера, а возможно и сама легенда о родстве с Гландой Камбиллой, долгое время оставалась достоянием семьи Колычевых. Рукопись имеет владельческую запись: «А сия книга дому капитана Ивана Иванова сына Колычева». Именно из этого семейства, точнее – от М.П. Колычевой, она поступила в распоряжение Н.П. Шереметева в 1797 г., который принял на себя хлопоты о внесении гербов Кобылиных в Общий гербовник¹³². Во всяком случае сведения о Гланде Камбиле не нашли отражение в генеалогической литературе XVIII в. Молчат о нем Феофан Прокопович¹³³, П. Крекшин, автор «Родословия высочайшей фамилии»¹³⁴, Ф.О. Туманский¹³⁵ и др. При внесении гербов Кобылиных в Общий гербовник, по большей части уже сложившихся к середине XVIII в., впервые была принята трактовка эмблем, соответствующая вновь обретенной версии происхождения.

Данная трактовка неубедительна. Город Гданьск (Данциг) в территорию, заселенную пруссами, не входил. Центром герцогства Пруссии, образованного в XV в. и занимавшего земли древних пруссов, был Кенигсберг. Столицей Прусского королевства, объединившего в 1701 г. курфюршество Бранденбург и герцогство Пруссию, стал Берлин. Захват же Пруссией Гданьска относится лишь к 1793 г. – тогда он и получил свое германизированное имя. Таким образом, в конце XVII – начале XVIII в. находившийся в Польше Гданьск вряд ли воспринимался в качестве прусского города, тем более в качестве некоей столицы пруссов. Соответственно и его герб вряд ли мог олицетворять происхождение от «прусских королей» или какую-то иную связь с ними.

Герб Шереметевых возник к 1695 г. В то время у ее автора не было причин связать этот род с городом Гданьском. Мы пришли к выводу, что два креста под короной в гербе потомства Кобылы является оригинальной эмблемой, исполненной самостоятельного значения. Вероятно она возникла в то время, когда на счету Б.П. Шереметева было два военных подвига – бой с татарами в Черной долине в 1689 г. и взятие им Карг-Керменя в 1695 г. Возможно два креста под короной следовало читать как «две славные победы христианского военачальника над неверными». Терлецкий, панегирист Б.П. Шереметева, писал: «Месяца мая, в день святого Константина, ты начал работу на Марсовой жатве – разве тысячью тысяч раз ты не удивишься? Поистине, родовые твои знаки должны были быть явлены на российском небе с такою надписью: *In hoc signo vinces!*». Это – обращение к легенде о видении императора Константина, которому явился в небе крест с надписью «*Nos vinces*» (т.е. «Сим победишь»). Прообраз этой эмблемы мог быть взят из одного из «эмблемовников»¹³⁶. Связь же ее со старой тамгой «Шеремет» по имеющимся источникам установить невозможно.

От XVI в. сохранилась печать боярина Ивана Васильевича Шереметева (1559 г.), изображающая охотника с колчаном за спиной и собакой в ногах (богиня Диана?)¹³⁷. Боярин Борис Петрович Шереметев, будущий граф и генерал-фельдмаршал, как и большинство русских дворян в XVII в., поначалу не вполне четко понимал презентативную функцию печати. В 1690 г. он пользовался случайным штемпелем западного происхождения. Он был вырезан явно для романтической переписки и изображал в цветочном венке два сердца, на которых сидело по голубку, целующих друг друга¹³⁸.

Тамга Шереметевых могла получить свое названия по принципу закрепления за ней имени первого владельца. Шеремет, согласно С.Б. Веселовскому, в переводе с турецкого – «человек львиной храбрости»¹³⁹.

Более вероятным кажется происхождение этого прозвания от турецкого же эпитета, часто применявшегося к лошади; его значение – «живой, скорый»¹⁴⁰. В роду, к которому принадлежал основатель Шереметевых, были распространены «лошадиные» прозвания: Кобыла, Шевляга, Жеребец, Лошак. Это имя было популярным в середине XVI в. С.Б. Веселовский упоминает Шеремета Шеметова сына Мотякина (1551 г.), Шеремета Григорьевича Хлуденева (середина XVI в.)¹⁴¹.

Юсуповы и тамга «Аргутап»

Татищев мог называть Юсуповыми род, происходящий от ногайского мурзы Юсуфа (ум. в 1556 г.), потомка Едигея. Вполне приемлемо предположение, что Юсуповы могли сохранять в первых поколениях своего рода фамильную тамгу «Аргутап», если таковая им принадлежала до выезда. Но трудно предположить, что источник Татищева называл именно этот род «Юсуповыми». Такая фамилия закрепилась в потомстве Юсупа-мурзы достаточно поздно. Юсупов или Исупов в именной формуле сына Юсуфа Иль-мурзы – отчество. После принятия христианства потомками Юсуфа их дедичество и титул предка образовали фамилию – Юсуповы-Княжево¹⁴². Было бы странным, если бы Юсуповы пользовались ногайской или татарской тамгой в самом конце XVII или даже в начале XVIII в., когда безусловно преобладало польское геральдическое влияние. Нельзя исключить того, что Татищев спутал князей Юсуповых и их нетитулованных однофамильцев¹⁴³.

Родословие дворян Исуповых (иначе – Юсуповы, Есуповы) было специально изучено В.С. Арсеньевым. Автор отметил существование как минимум трех одноименных дворянских родов.

Первый считал своим предком Аслана Мурзу Челибея, переселившегося из Золотой Орды в Москву. По одним родословным это произошло в 1389 г., по другим – в 1365 г. Аслан крестился, получив имя Прокопий. Великий князь пожаловал ему г. Кременец близ Медыни и женил на дочери стольника Зотика Житова. Прокопий-Аслан стал родоначальником семи дворянских родов: Арсеньевых, Исуповых, Яковцевых, Кременецких, Ждановых, Ртищевых, Сомовых и Павловых. Прозвание Исуп (или это имя до крещения?) носил, согласно одной версии, сын Аслана Арсений Прокофьевич, общий родоначальник Арсеньевых и Исуповых, согласно другой – отрицаемый рядом родословий сын Аслана Иван Прокофьевич, согласно третьей – внук Аслана Иван Арсеньевич. Представители рода Исуповых-Прокофьевых в XVII в. служили в стольниках и стряпчих, занимали воеводские должности в мелких городах.

Землевладение этого рода было связано с Арзамасским, Брянским и Каширским уездами.

Печати представителей рода Исуповых-Прокофьевых за XVI–XVII вв. неизвестны. Григорий Иванович Исупов (уб. в 1590 г.) в 1567 г. был государевым бортником в землях архиепископа Рязанского за Окой на Мещерской стороне. Имеется описание его бортного знака: «Знамя их поперек дуба две палицы, меж палиц два рубежа, а сверх палиц шепера стоячая»¹⁴⁴. Неизвестно, насколько устойчивым был этот знак в роду Исуповых-Прокофьевых (здесь может вдохновить притяжание «их» вместо ожидаемого «его»), а значит – есть ли основания считать его родовой тамгой «Аргутап».

Герб Исуповых-Прокофьевых не был утвержден официально. Гербы же других потомков Аслана-Прокофия (дворян Арсеньевых, Ждановых, Ртищевых, Сомовых) вошли в Общий гербовник¹⁴⁵. Все они имеют одно и то же сочетание фигур: два скрещенных меча и стрела острием вниз, окруженные по сторонам месяцем и звездой, внизу под острием стрелы подкова шипами вверх. Такое единодушие можно объяснить консолидированным подходом потомков Аслана в выработке семейной эмблемы на протяжении XVIII в. Возможно основой этой эмблемы стала старая тамга, геральдизированный вариант которой и вошел в Общий гербовник.

Отметим, что дворяне Сомовы вынесли фигуру месяца в отдельное поле, окружив его четырьмя звездами. В этом виде герб стал напоминать композицию щитка в гербе князей Юсуповых, которых Сомовым, вероятно, было желательно отождествить со своими однородцами Исуповыми.

Другие Исуповы, поднявшиеся до стольнического чина только в конце XVII в., хотели видеть себя отраслью Квашниных, происходящей от Богдана, мифического сына Родиона Нестеровича¹⁴⁶. К потомству этого же Богдана Родионовича Исуповы приписали своих однородцев – Жиховых, Злобиных, Кобыльских, Невежиных, Фоминых и Шитых. Это позволяло удревнить свой род до XV в. Палата родословных дел признала эту попытку неудачной: «в родословной книге в 20 главе в главе Квашниных у Родиона Нестерова сына написан один сын Иван Квашня, а иных детей у него, Родиона, никого, и Исуповых в том роду не написано. И в росписях родов, которые пошли от Ивана Квашни про Исуповых род ничего не написано»¹⁴⁷. Возможно, Исуповы были вдохновлены в этой своей версии именем реально существовавшего потомка Родиона Несторовича – Никиты Алексеевича Исупа Самарина, упоминавшегося источниками в 1530 г.¹⁴⁸ Но во всяком случае, Исуповы уже

были в конце XVI в. Григорий Васильевич Исупов был в 1590 г. головой у московских стрельцов и убит под Ругодивом. Все Исуповы, принадлежащие к этому роду – потомки его брата Богдана Васильевича.

Никаких источников, позволяющих судить о геральдической традиции рода Исуповых-«Квашниных» на сегодня не имеется.

Третий род Исуповых – потомки Ивана Воиновича. К сожалению, В.С. Арсеньев не указал времени существования этого рода и деятельности его представителей. Голова Семен (Семейка) Исупов упоминается в разрядной книге 1571 г.¹⁴⁹ Возможно, это – № 5 в данной росписи, Семен Иванович Исупов¹⁵⁰.

Кроме того, были и другие дворяне Исуповы, которым не нашлось места в опубликованных росписях. Это Голова, Курбат и Улан Никитины дети Исуповы, алексинские, а с 1539 г. – тверские помещики; дети боярские Никита, Яков и Аксен Исуповы, жалованные в 1605 г. «золочеными ноугородками» за Новгород-Северское осадное сидение и ряд других лиц. Брянчане Аггей Ермолаевич Исупов (ум. в 1644 г.), Нестер Исупов (уп. в 1636 г.), хотя и не упоминаются в родословных, судя по их земельным владениям, могли быть связаны с брянской ветвью Исуповых-Прокофьевых.

Таким образом, существует известный простор для суждений о том, какой из как минимум трех или даже четырех родов Юсуповых (Исуповых) имел в виду В.Н. Татищев. Безусловно, наиболее заметный из них – потомство Аслана-мурзы.

Путаница с однофамильцами Юсуповыми-Исуповыми-Есуповыми, князьями и дворянами, является давней и стойкой историографической традицией. Так, В.В. Руммель в своей статье для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона отождествил Григория Ивановича Исупова-Прокофьева, погибшего под Нарвой, и Григория Васильевича Исупова-«Квашнина», погибшего под Ругодивом¹⁵¹. В 1905 г. В.С. Арсеньев включил стольника Гавриила Семеновича Исупова как в родословие потомства Аслана-мурзы, так и в родословие потомства Родиона Несеровича. В работе Арсеньева 1912 г. Гавриил Семенович Исупов и его брат дворянин московский Григорий Семенович были в родословии потомков Аслана опущены¹⁵². О.А. Шватченко, анализируя землевладение князей Юсуповых, упоминает как бесспорных потомков ногайского мурзы Юсупа (Иван Карел-мурзин, стольники Василий Никитич и Андрей Никитич, Иван Васильевич, Семен Иванович, Борис Васильевич, Абдил-мурза Сююш-мурзин, Петр Васильевич), так и представителей брянской ветви потомства Аслана-мурзы, стряпчих Дементия Патрикеевича, Михаила Патрикеевича и Михаила Патрикеевича¹⁵³.

Что до князей Юсуповых, то на протяжении XVIII в. они пользовались восьмичастным гербом в щите, разделенном одной вертикальной и двумя горизонтальными чертами: 1) всадник с мечем и щитом; 2) человек в татарском платье с молотком в руке; 3) лук со стрелой; 4) стоящий на задних лапах лев; 5) сидящий лев; 6) олень; 7) (верхний щиток) звезда; 8) (нижний щиток) в главе – княжеская шапка, в основном поле – месяц рогами вправо, окруженный звездами¹⁵⁴. Без изменений герб князей Юсуповых был утвержден в конце XVIII в. официально¹⁵⁵.

Таким образом, очень трудно судить какой именно род источник Татищева мог называть Юсуповыми. Можно лишь предположить, что основатель этого рода, некий Юсуп, принадлежал к племени Аргу и пользовался соответствующей тамгой.

* * *

Ряд из упомянутых Татишевым дворянских родов вышли из дома Рюрика. Это Гагарины, Долгоруковы, Ромодановские, Салтыковы-Травины и Оладыны-Монастыревы. Возможно, если довериться родословной легенде, и Татищевы. В этой связи возникает и нуждается в проверке версия о том, что Рюриковичи могли сохранить свои старые тамгообразные лично-родовые знаки, получившие вследствие контактов с татарской знатью лишь новое название.

Данную версию как будто подкрепляют гербы западнорусских Рюриковичей (князей Бабичевых, Друцких, Путятиных), которые явно зависимы от древних княжих двузубцев и трезубцев. К сожалению, остается неизученным вопрос, о том, какова связь между памятниками ранней и поздней геральдики Рюриковичей. Гербы поздних западнорусских князей могли быть итогом эволюции ранних знаков в процессе непрерывной традиции их употребления. Не исключен и более вероятен другой вариант – они могли создаваться в подражание княжим знакам уже после угасания этой традиции.

Активно изучаемые княжеские знаки Рюриковичей представлены нумизматическими и сфрагистическими памятниками, датированными до XIII в. включительно. В научной литературе нет четко сформулированного тезиса о времени прекращения их употребления. Н.П. Лихачев отмечал, что «в древней Руси происходил процесс постепенного образования феодальной геральдики, подобной польской, процесс, заглохший от напряженных внешних условий»¹⁵⁶. Под «напряженными внешними условиями» историк, очевидно, понимал татарское нашествие на Русь. Но насколько быстро процесс «заглох», было ли это синхронно в разных ветвях Рюриковичей?

Вероятно все же, что тамгообразные изображения в качестве княжих знаков в XIV–XV вв. исчезают, по крайней мере, в Северо-Восточной Руси. Судя по опубликованным Н.А. Соболевой печатям, их уже не знают Рюриковичи из владими́ро-московского великокняжеского дома, включая его ветви князей боровско-серпуховских, галицко-звенигородских, можайских, волоцких и вологодских; обособившиеся князья стародубские, суздальские, ростовские, белозерские¹⁵⁷. Нет знака Рюриковичей на печатях лиц из рода великих князей тверских, включая князей микулинских-телятевских¹⁵⁸, из родов великих князей рязанских¹⁵⁹ и князей ярославских, включая удельных князей шехонских¹⁶⁰.

Таким образом, княжеские роды, образовавшиеся в XV в. и позднее, скорее всего, не были знакомы с живой традицией употребления тамгообразных княжих знаков.

* * *

Подведем итоги. В.Н. Татищев обладал неким источником, перечислявшим названия нескольких сотен родовых, иначе говоря, наследуемых тамг, принадлежавших русским дворянским родам. Историк привел названия девятнадцати таких эмблем. Ряд данных генеалогии, топонимики и этнонимики подтверждает достоверность его данных. Кажется, что, помимо обладания именными тамгами, у родов – владельцев тамг мало общего. Среди них – все пять титулованных боярских «больших» родов, которые, согласно Котошихину «бывают в боярах, а в окольничих не бывают»: князья Черкасские, Трубецкие, Голицыны, Долгоруковы, Ромодановские. Рядом с ними – нетитулованные старомосковские бояре Бутурлины, Вельяминовы, Салтыковы, Собакины, Татищевы, Шереметевы; княжеский, но скромный в служебном и поземельном отношении род Гагариных; провинциальные дворяне Воейковы, Оладыны и Хрущовы, достаточно поздно попавшие в московский список; наконец роды, пополнившие его уже в самом конце XVII в. – Бахметевы, Давыдовы, Офросимовы, Исуповы. Иначе говоря, практика использования тамгообразных знаков была достаточно распространена в среде русских дворян вне зависимости от их статуса.

По времени возникновения упомянутых родов можно приблизительно датировать как источник Татищева, так и саму практику бытования именных тамг. Речь должна идти о периоде с конца XVI – начала XVII в., когда все девятнадцать родов уже сложились и получили свои родовые прозвания, до конца XVII в., когда пришла мода на геральдические композиции. Разумеется, отдельные роды могли владеть тамгами и раньше.

Ряд тамг принял имя главы рода («Минчак», «Салтык», «Трубецкой», «Шеремет»), как это и было в обычае у тюркских народов. В других случаях тюркский племенной символ сохранил свое общеплеменное наименование и совпадает с этнонимом («Кабарда», «Аргутап», «Сургут»). Некоторые из названий эмблем, приведенных Татищевым, созвучны прозваниям, бытовавшим в дворянской среде. Это тамга Бахметевых «Порывай», Татищевых – «Нуздай», Собакиных – «Доезжай» (ср. Смирый, Заломай, Впрягай и т.д.). Однако, поскольку в родословных росписях данных родов такие прозвания не встречаются, вопрос о происхождении этих названий остается открытым. Мы предположили, что наряду с заимствованием тамги представители русских дворянских родов могли позаимствовать в оригинале или в переводе и другой атрибут тюркской племенной организации – урак, боевой клич, часто совпадавший с названием племенной тамги. Это предположение может дать объяснение названий ряда символов.

Изображения именных дворянских тамг неизвестны. С большой долей осторожности можно допустить тождественность тамгообразной фигуры на печати И.Ю. Бахметева 1679 г. с родовой тамгой Бахметевых «Порывай», бортный знак Г.И. Исупова («поперек дуба две палицы, меж палиц два рубежа, а сверх палиц щепера стоячая» – 1567 г.) с тамгой «Аргутап».

Еще более осторожно мы предположили, что тамгообразные фигуры в видоизмененном виде вошли в позднейшие гербы ряда дворянских родов из перечисленных Татищевым.

Автору этих строк не хотелось быть ложно понятым «новыми хронологами», пантюркистами и другими сторонниками нетрадиционных методологий. Факт широкого бытования у русских дворян тамгообразных эмблем, заимствованных у татар или оригинальных, остается пока гипотезой, требующей дальнейшего изучения. Трудность этой задачи состоит в малой источниковой базе. Тамги, скорее всего, редко использовались на дворянских печатях. Сферой их применения была, очевидно, та органика, которая не представлена в музейных и архивных коллекциях. Это клейма скота, метки на бортных деревьях, межевые рубежи. Последние изображения зафиксированы писменными источниками и отличаются известным разнообразием. Возможно, систематическое выявление и изучение этого материала, как и других памятников ранней русской эмблематики, даст более точные представления об именных наследуемых тамгах дворянских родов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует, очевидно, заменить термин «ясака», употребляемый В.Н. Татищевым, на термин «тамга». Тамгой называлась как подать, так и печать, знак. В первом значении этот термин совпадает с ясаком, во втором – нет.

² *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 369–370.

³ *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 332.

⁴ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 67, 69–72, 166, 181, 182, 241, 253.

⁵ *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. С. 40.

⁶ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 292.

⁷ Там же. С. 290.

⁸ *Навишрванов З.Ш.* Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму // Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии (бывшей Таврической Ученой архивной комиссии). Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 82.

⁹ *Баски И.* Тамги и этнические названия (вклад тамга-знаков в этногенез татар) // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 132.

¹⁰ *Думин С.В.* Геральдика литовско-татарского дворянства XVI–XX вв. // Гербовед, издаваемый Русской Геральдической коллегией. М., 1996. № 10. С. 16.

¹¹ *Иванов П.И.* Сборник снимков с древнейших русских печатей, приложенных к грамотам и другим документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858 (далее – *Иванов*). Табл. 4. № 24; Табл. 7. № 111; Табл. 10. № 44; Табл. 12. № 94.

¹² Там же. Табл. 10. № 61.

¹³ *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 124–127; Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. Князья. С. 188–206.

¹⁴ Дворянские роды Российской империи. Т. 1. С. 307–318.

¹⁵ См.: *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 125; *Иванов*. Табл. 12. Рис. 7.

¹⁶ Общий гербовник Дворянских родов Всероссийской империи (далее – Общий гербовник). Т. 5. № 39.

¹⁷ Там же. № 13.

¹⁸ Этимология из тюркского «бузау» (телёнок) с суффиксом наличия -лык рассматривается как позднейшее переосмысление.

¹⁹ Иначе – Бахметьевы, Бахметовы, Бахмиотовы.

²⁰ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 32.

²¹ Общий гербовник. Т. 2. № 58.

²² *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 425.

²³ *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. М., 1991. Т. 2. С. 191.

²⁴ Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М., 1915. С. 378–379, 413, 509, 531.

²⁵ Описание МАМЮ. Кн. 1. Паг. 4. С. 76, 77, 156.

²⁶ *Иванов*. Табл. 17. № 252.

²⁷ Там же. Табл. 19. № 297.

²⁸ Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Изд. С.Н. Тройницкий. СПб., 1912 (далее – Гербовник А.Т. Князева). С. 8. № 17 (5).

²⁹ Общий гербовник. Т. 7. № 77.

³⁰ *Навишированов З.Ш.* Указ. соч. С. 90.

³¹ *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 255.

³² *Иванов*. Табл. 15. № 183.

³³ Там же. Табл. 15. № 187.

³⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 16. № 38.

³⁵ Общий гербовник. Т. 2. № 29.

³⁶ *Хоруженко О.И.* Гербы Пушкиных и их однородцев // Предки А.С. Пушкина (поколенная роспись). М., 1999. С. 71–73.

³⁷ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 295.

³⁸ Возможно, мифологема польской геральдики в отношении герба «Слизень» зависима от родословной первых потомков Акинфа Великого. Этот герб представляет собой «земной шар, но без пояса, как он обыкновенно изображается, на шаре крест» (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 291). Как пояснил А.Б. Лакиер, «первоначально герб этот принадлежал Андрею (?) Радше и из Седмиградской земли принесен в Польшу». Андрей Радша в этой легенде, возможно, является Андреем Слизем. В любом случае, и держава как гербовая фигура (из всех потомков Ратши ею пользовались только Кологризовы), и Семиградская земля как родина Ратши, были продуктами геральдико-генеалогических изысканий второй половины XVIII в.

³⁹ *Бычкова М.Е.* Легенды московских бояр. М., 1997. С. 16.

⁴⁰ См.: *Ювеналий, игумен [Воейков И.Г.]* Историческое родословие благородных дворян Воейковых. М., 1792. С. 11–19.

⁴¹ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 69.

⁴² Разрядная книга 1475?1598 гг. / Подг. текста, ввод. статья и ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 202.

⁴³ *Иванов*. Табл. 12. № 115.

⁴⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 25. № 68 (18), 69 (19).

⁴⁵ Общий гербовник. Т. 2. № 50.

⁴⁶ Там же. Т. 2. № 22.

⁴⁷ *Иванов*. Табл. 10. № 35)

⁴⁸ Там же. Табл. 11. № 69)

⁴⁹ Там же. Табл. 8. № 146)

⁵⁰ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 185.

⁵¹ *Иванов*. Табл. 10. № 43.

⁵² Гербовник А.Т. Князева. С. 31. № 89 (24).

⁵³ Там же. С. 32. № 91 (24).

⁵⁴ Там же. С. 32. № 90 (24).

⁵⁵ Общий гербовник. Т. 1. № 14.

⁵⁶ См. эскибрис князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893 гг.): *Кашутин Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Эскибрис в собрании Научной библиотеки Московского государственного университета. Альбом-каталог. М., 1985. С. 74. № 42.

⁵⁷ Князья Голицыны: Происхождение и первые поколения. М., 1998. С. 26.

⁵⁸ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII в. М., 1996. С. 130.

⁵⁹ Гербовник А.Т. Князева. С. 35–36.

⁶⁰ *Хоруженко О.И.* Гербы потомства Патрикия Наримунтовича, князя Звенигородского // Русский родословец. М., 2002. С. 25–36.

⁶¹ Опись Оружейной палаты. М., 1885. Ч. 5. Кн. 4. С. 198. № 7114.

⁶² *Борисов И.В.* Родовые гербы России. М., 1997. С. 114.

⁶³ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 236.

⁶⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 48.

⁶⁵ [*Судаков С.В.*]. Герб князей Щербатовых // Гербовед. 1913. № 1. С. 23–24.

⁶⁶ *Иванов.* Табл. 15. № 202.

⁶⁷ *Петров П.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 84–85.

⁶⁸ *Лукичев М.П., Назаров В.Д.* Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования. Сб. научных трудов. М., 1994. С. 98–99.

⁶⁹ *Иванов.* Табл. 6. № 86.

⁷⁰ Гербовник А.Т. Князева. С. 41. № 116 (31), 118 (31).

⁷¹ Общий гербовник. Т. 2. № 51.

⁷² Гербовник А.Т. Князева. С. 41.

⁷³ *Петров П.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 166–167.

⁷⁴ *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 17.

⁷⁵ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 199.

⁷⁶ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 163.

⁷⁷ *Она же.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. С. 129.

⁷⁸ *Иванов.* Табл. 10. № 59.

⁷⁹ *Там же.* Табл. 14. № 158.

⁸⁰ *Там же.* Табл. 6. № 78.

⁸¹ *Румянцева В.В.* Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986. С. 77; *Бюллер Ф.* Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882. Вып. 1. С. 100.

⁸² *Тройницкий С.Н.* О гербе князей Ромодановских // Гербовед. 1913. № 8. С. 131.

⁸³ Здесь вооруженную руку не следует, как это делает А.Б. Лакиер, трактовать в качестве польской эмблемы «Погоня-IV» (см.: *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 285–286). Никто из Стародубских князей не мог выводить свой род из Польши и Литвы, а значит именовать так эту фигуру некорректно.

⁸⁴ Общий гербовник. Т. 2. № 49.

⁸⁵ Село Ромоданово расположено напротив Калуги на другом берегу р. Оки. В пяти км к югу от села начинается «Гамаюнщина». См.: *Николаев Е.В.* По Калужской земле. М., 1970. С. 104–105.

⁸⁶ *Ражнев Г.В.* Смоленский герб. Смоленск, 1993. С. 42.

⁸⁷ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 232.

⁸⁸ *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 278.

⁸⁹ *Баскаков Н.А.* Указ. соч. С. 86.

⁹⁰ *Иванов.* Табл. 8. № 98.

⁹¹ Первое издание Когопа Polska – 1728–1743 гг.

⁹² Родословная книга князей и дворян российских. М., 1787. Т. 2. С. 208, 211.

⁹³ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. С. 152.

⁹⁴ *Иванов.* Табл. 18. № 283.

⁹⁵ Общий гербовник. Т. 3. № 12.

⁹⁶ *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 233.

⁹⁷ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV?XVII вв. М., 1975. С. 480.

⁹⁸ Разрядная книга. 1475–1598 гг. С. 524.

⁹⁹ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV?XVII вв.

¹⁰⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1987. С. 80; Московский некрополь. Т. 3. СПб., 1908. С. 125.

¹⁰¹ О.А. Шватченко анализирует землевладение Собакиных, не делая различия между двумя родами – потомством тверского боярина Данилы Григорьевича Собаки (окольный Никифор Сергеевич, стольники Михаил и Петр Васильевич и др.) и потомством дьяка Семейки Собакина в лице Алексея и Семена Васильевичей Собакиных. См.: *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. С. 152, 166.

¹⁰² Общий гербовник. Т. 3. № 59.

¹⁰³ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 127.

¹⁰⁴ Общий гербовник. Т. 2. № 1.

¹⁰⁵ Гербовник А.Т. Князева. С. 152. № 447 (113), 448 (113).

¹⁰⁶ *Кашутина Е.С., Сапрыкина Н.Г.* Указ. соч. С. 61. № 24.

¹⁰⁷ *Тихонов Н.Г.* Славные витязи Трубчевска. Брянск, 1996. С. 44.

¹⁰⁸ *Петров П.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 109.

¹⁰⁹ *Антонов А.В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 310.

¹¹⁰ Общий гербовник. Т. 2. № 17.

¹¹¹ *Петров П.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 109.

¹¹² *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 238.

¹¹³ Гербовник А.Т. Князева. С. 146. № 431 (109), 432 (109).

¹¹⁴ Перенесены с кладбища при императорском Фарфоровом заводе.

¹¹⁵ У Ивана Андреевича корона дворянская, древко знамени из правого верхнего в левый нижний угол.

¹¹⁶ Общий гербовник. Т. 7. № 5.

¹¹⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 344.

¹¹⁸ Х[рущов] М.Н. Хрушovy // РС. 1883. № 5. С. 472–476.

¹¹⁹ Общий гербовник. Т. 8. № 15.

¹²⁰ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 612.

¹²¹ Иванов. Табл. 17. № 246.

¹²² Антонов А.В. Указ. соч. С. 364.

¹²³ Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 214.

¹²⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 162.

¹²⁵ Руммель В.В., Голубцов В.В. Указ. соч. Т. 2. С. 637; Бобринский А.[А.]

Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 551.

¹²⁶ Общий гербовник. Т. 2. № 111.

¹²⁷ Х[рущов] М.Н. Указ. соч. С. 472, 475.

¹²⁸ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Т. 2. С. 36–44.

¹²⁹ Зимин А.А. Указ. соч. С. 189.

¹³⁰ Хоруженко О. И. Гербы потомства Андрея Ивановича Кобылы // Шереметевы. Ч. 1: Происхождение и первые поколения. М., 2000. С. 53–63.

¹³¹ Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 298–301; Гербовник А.Т. Князева. С. 169–170.

¹³² Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 4–11.

¹³³ Молчанова Г.И. Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 37–48.

¹³⁴ Селифонтов Н.Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова: Генеалогический и исторический материал по печатным источникам. СПб., Ч. 1. С. 97. По свидетельству князя А.М. Курбского, в 1573 г. Шереметевы считали своим предком «мужа светлого и знаменитого, от немецкия земли выехавшего, ему же имя было Михаил... с роду княжат решских (рейхских, т.е. имперских. – О.Х.)». См.: Боденко-Колычев М.Л. Боярский род Колычевых. М., 1886. С. 2.

¹³⁵ Туманский Ф.[О.]. Родословие царские фамилии Романовых // Собрание разных заметок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 2. С. 3.

¹³⁶ Эмблема № 165 в сборнике Н.М. Максимовича-Амбодика (корона над крестом) сопровождается девизом «Божья сила с нами».

¹³⁷ Иванов. Табл. 6. № 80.

¹³⁸ Там же. Табл. 18. № 289.

¹³⁹ П.Н. Петров предложил невероятную трактовку прозвания Андрея Константиновича Беззубцева: «Андрей Константинович, ...вероятно любивший просторно жить, получил прозвание Шереметя или ширь-иметя (ширь иметь в значении простора)» (Петров П.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 168).

¹⁴⁰ Баскаков Н.А. Указ. соч. С. 83.

¹⁴¹ Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 366.

¹⁴² Юсупов Н.Б. О роде князей Юсуповых: Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей, с XVI до половины XIX века, и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI в. СПб., 1867. Т. 2. С. 121–165.

¹⁴³ По данным М.Е. Бычковой, в 1640 г. велось дело о самозванце Челухе (Дементие) Агишеве сыне Усупове или Исупове, желавшем видеть себя потомком ногайских мурз. Справки, полученные от князей Урусовых, Байтерековых, Юсуповых и астраханских воевод, показали необоснованность его притязаний (выражаю благодарность М.Е. Бычковой за ценное указание).

¹⁴⁴ Арсеньев В.С. Исуповы // Сб. Орловского церковного историко-археологического общества. Орел, 1912. Т. 3. С. 45.

¹⁴⁵ Общий гербовник. Т. 5. № 28; Т. 5. № 29; Т. 3. № 23; Т. 4. № 110.

¹⁴⁶ Антонов А.В. Указ. соч. С. 350.

¹⁴⁷ Там же. С. 350.

¹⁴⁸ Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 129.

¹⁴⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 238.

¹⁵⁰ Арсеньев В.С. Род дворян Исуповых (Юсуповых), 1389 г. // Яблочков М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1905. Т. 9. [Вып.] 16. С. 79–100 (1905);

¹⁵¹ В.Р. [Руммель В.В.]. Исупов // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 13. С. 528.

¹⁵² Арсеньев В.С. Род дворян Исуповых... С. 83; ср.: Он же. Исуповы // Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. Орел, 1912. Т. 3. С. 44–58.

¹⁵³ Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII в. С. 109.

¹⁵⁴ Гербовник А.Т. Князева. С. 176.

¹⁵⁵ Общий гербовник. Т. 3. № 2.

¹⁵⁶ Цит. по: Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 139.

¹⁵⁷ Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991. С. 147–172. № 1–43, 54, 55, 67, 68, 85; С. 161–165. № 48–49, 56, 57, 60, 61; С. 162–164. № 50–52, 58, 59; С. 162–169. № 53, 62–66, 73; С. 168–170. № 69–70, 74, 75; С. 169. № 71, 72; С. 170–171. № 76–80; С. 172. № 86; С. 174. № 93; С. 178. № 117.

¹⁵⁸ Там же. С. 160. № 44–46; С. 173. № 87.

¹⁵⁹ Там же. С. 161. № 47.

¹⁶⁰ Там же. С. 171–179. № 81, 82, 104, 105, 177, 120; С. 171–172. № 83, 84.